

...НИМАНТ, НОВАН, ПЕРСОНН

роман

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Кулаков

Сергей Анатольевич Кулаков ...Нимант, Нован, Персонн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51671083

SelfPub; 2020

Аннотация

Можно назвать эту историю фантазией о том, что может произойти с героем, пока автор обдумывает будущую книгу. Впрочем, это не совсем верно – автор пока ещё не знает, о чем будет писать. Скорее это сон, который только должен присниться. Кажется, кто-то сравнивал книгу со сном. Подобное мнение вовсе не безосновательно! Автор, рассказчик, протагонист... Они не безызвестны друг другу, только герой повествования не высокого мнения об авторе, он убежден, что во многом превосходит его, но не понимает того, что является лишь частью сна, который должен привидеться автору. Рассказчик тоже не в восторге от подобного общества, но вынужден уживаться и с автором и с героем. Отправляясь в своё путешествие, герой уверен, что именно таинственные и неведомые силы увлекают его в дорогу. Тому, что не известно, нет смысла сопротивляться. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

89

Сергей Кулаков

...Нимант, Нован, Персонн

«был ли он началом чего-то неизвестного, или стал уже – сам по себе – окончанием чьей-то мысли»

а. платонов

«есть вещи, которых нам не узнать наверняка»

с. беккет

Шумит. Тихо, негромко шумит...

Нет, не так, как вы думаете – шумит по-иному, почти бесшумно, но что-то всё же слышу. Что-то доносится изнутри, шумит, тревожит пространство. Пространство? Есть ли там пространство? Непременно! Значит, может шуметь. Как? Хотите знать, как шумит? На что это может быть похоже? Что ж... но как объяснить? Однако, попробовать стоит, стоит. Шумит тихо, негромко... Нет, нет, шумом это не назовёшь. Откуда там шум? Материи нет – шуметь нечему. В этом всё дело – её нет там. Говорю вам: ничего нет. Пустота! Не говорю о вязкой каше, о студне, заполнившем голову, точно вместительно-округлой пивной кружкой зачерпнули застывший кисель. Речь не об этом. О том, что там, да – там. О том, что внутри, да-да внутри, и ни о чём ином. О том, что там шумит, о том, что там может шуметь, о том, что вовсе не шумит, ибо – как? В том смысле: как может среди бесплот-

ных всех этих образов – сотканных из призрачных, туманных обрывков невысказанных слов, произнесённых мыслей, внезапно возникших чувств – среди этих быстромелькающих фантомов (возникающих из ниоткуда, тут же исчезающих в никуда) что-то шуметь? Такие загадочные вещи объяснить незамысловатым, человеческим языком, почти непосильная задача... Теперь уразумели, какие сложные преграды встречаются всюду на этом пути? О, вовсе не следует думать, что эти препятствия случайны. Это было бы величайшим заблуждением и ужасной ошибкой; нет-нет, не ошибкой, пожалуй, это была бы одна из искуснейших и хитроумных ловушек. Неужели могу я в неё угодить? Думаю... нет, я почти уверен, что за всем этим стоят таинственные, непостижимые (нашим ограниченным, скудным разумом), могущественные силы.

Они шелестят. Едва слышно, когда начинают шевелиться, когда начинают легкомысленно считать, что и они существуют... Можно сравнить их с ангелами в бесплотном, незримом мире. Нет, не совсем так: скорее уж с образами ангелов. Шелест, который они издают, похож на лёгкий всхлип переворачиваемой страницы. Нет, опять не точно, опять надуманно, опять вскользь. Быть может, на трущиеся, цепляющиеся друг за друга, груды, ворохи букв и знаков? Так, пожалуй, лучше, намного лучше. Впрочем, это всего лишь ощущения, чувства, слова. Они возникают всегда по-разному: иногда часто, иногда надоедливо, иногда возникают редко,

иногда и вовсе не возникают. Мысли тут ни при чём. Бывает, думаешь о чём-то простом, грубом, даже обыденном, а вот и зашелестело, зашелестело, зашелестело... Лёгкий взмах, за ним другой, третий, и – кружат, кружат, выются роем мошкары. Нет, конечно, роя никакого нет, иначе это было бы невыносимо. Рой свёл бы с ума! Разве такое бывало? Нет, пожалуй, нет, но что-то похожее, что-то очень похожее – было, конечно было...

Справиться с этим нет сил, по крайней мере моих – точно не достаёт. Бессильно тело, и разум бессилён, а они: эти фантомы, эти образы – такие бесплотные, такие наглые – и не думают прекращать свой напор, свой натиск; они и не помышляют проявить милосердие. Да и нет у них никакого милосердия, нет у них чувств, нет каких-либо угрызений, да и совести тоже нет. К чему она им? А ведь похожи на ангелов, похожи... Когда-нибудь слышали об ангеле милосердном, об ангеле совестливом? «Иди и сделай для Меня», – говорит Господь. И идёт и делает, полагаясь на Бога, и приходит, и кладёт меч, и говорит: «Совершил, готово». «Ступай», – говорит Господь. И отходит до времени...

На кого полагаются они, когда подступают ко мне? Не знаю, не знаю... но, в отличие от Его слуг, нельзя назвать этих послушными, о нет! Больше сходства у них с отпавшей той третью: они зудят, они докучают, они досаждают, они мучат. Да-да чаще всего мучат, а ещё изводят, выматывают, донимают, не отступая ни днём, ни ночью. Думаешь: ночью

гел шелестит крылами в незримом своем пространстве – губами, одними губами, не прекращают, не останавливаются, продолжают выдувать единственное своё требование, единственное желание, единственное безумное стремление: пусти нас, пусти нас, пусти нас...

Что будете делать потом? Знаю – проклинать за мою слабость, поносить меня последними словами, дышать в мой адрес злобой и проклятьями, визжать в истерике, брызгая злостью и ненавистью: что ты сделал? зачем послушал нас? на нем и на детях его пусть будет вина его! Всё-всё знаю, потому и держусь, держусь из последних сил, держусь, уперев плечо в дверь, подперев её другой рукой, выпрямив ногу упором, поджав в колене другую и всем телом навалившись на дверь, в какую ломитесь вы оттуда, из своей (моей?) темноты. Напираете, напираете, орёте свой жуткий, срывающийся на визг, клич: пусти нас, пусти нас...

И вам мнится свобода, и вы захотели испить чашу сию. Глупцы, глупцы, что вы понимаете в этом? Свободы, свободы... Вам-то она зачем? Что в мире вашем такого худого, чего нет здесь? Думаете, в этом мире станете более осязаемыми, более реальными, более настоящими? Ха-ха-ха-ха-ха... Кто же так провёл вас, одурачил, промыл мозги (если конечно они есть у вас), кто натянул вам нос? Мы сами здесь фантомы, сделанные по образу и подобию. Всего лишь по образу, и только по подобию, точно двойное, тройное, четверное, а быть может, и триста шестьдесят пятое (если верить отдель-

ным умникам) отражение. Да и зеркала эти, пожалуй, далеки от совершенства.

Ах, зеркала! Да-да... вот о них стоит сказать чуть больше. Их причудливые, призрачные лабиринты манят, увлекают, прельщают; их таинственнее блистанье напоминает о лжи, коварстве, измене. Прозрачное стекло, покоящееся на переливчатой отраве, рождает в себе картины, медленно травящие душу. Тонкий яд изливают они ежедневно. Кто их изобрел? Кто надоумил созданий из праха в них заглядывать ежедневно? Мимо идешь – обязательно зыркнешь, бросишь взгляд, глянешь, уставишь глаза, станешь разглядывать, вперисься... ну хотя бы скопишь любопытное зрение. О, искусная ложь оттуда потоками льется, призрачный пленник наружу глядит. Ветер застыл. Стон серебра. Взгляд не может напиться призраком влаги. Колодец сух. Искусная клетка, стеклянное зло, двулика оболочка из бронзы, стекла, воды – разницы нет никакой. Суть зеркал – отражение. Суть отражения – ложь. Вот ведь напасть! Хочу немного подробнее рассказать об этом. История стоит того...

Вот что, собственно, знаю: во время оно некто прекрасный засмотрелся в своё отражение, ну и пошло-поехало... Жуткая история! Особенно, когда пытаюсь представить то, древнее пространство, заполненное ниспадающей тлетью. Так и встает перед глазами голубой купол неба, испещрённый белыми, нет, скорее чёрными чёрточками, как при движении самолёта по небу, только короче, намного короче. Как

будто запятая, нет, как штрих, да-да, штрих – сверху вниз. Много, много, много таких штрихов, и там, на кончике их, что-то взблескивает угольком...

Так вот, возвращаясь к началу рассказа: засмотрелся... Куда, спрашивается, засмотрелся? В зеркало? В подобие зеркала? Откуда там зеркала? Зачем они в мире без плоти? Но, ведь засмотрелся же, засмотрелся... Вот что думаю: засмотрелся тот, светоносный, в своё воображение (которое сам и придумал) и застрял основательно в нем. Рассматривал себя так и эдак, а в конце концов вопрошает (опять же себя любимого, себя прекрасного): чем я не Он? Ну и понеслось всё там, да так быстро, быстро... поди поспевай считать эти штрихи-чёрточки. Остальное известно, но мысль-то мою поняли? Куда гну – уразумели? С этим воображением держать ухо остро надо, чтобы самому чёрточкой на небе не стать. Думаете, преувеличиваю, жути нагоняю, пытаюсь урезонить тех, орущих, требующих чудесностей? Им всё равно: на меня всю вину спихнут, в случае чего... Мол: ну да – пошумели, побузили, ума-разума у нас, сырых, не так и много, а вот этот куда смотрел? Пускай сам и ответ держит! Нет, нет, чёрточкой чёрной (да хоть и белой) на небосклоне не хочется стать.

Стучат, орут, ломаются. Держу, пока держу. Раздумываю, размышляю, взвешиваю. А ведь толком и не знаю их. Так, в общих каких-то чертах, никак не более, чем дочерей Пьера, удумавших своё безумство. Вообразивших себя выше тех девяти... Заметили, заметили: опять треклятое вооб-

ражение высунулось. Мол, нас девять и тех – тоже, и мы ничуть не хуже! Вот так всегда: ничуть не хуже... А лучше-то чем? Тех, кто ничем не хуже, не девять, а девятьсот девяносто девять найдётся; ты вот лучше отыщи. Ну, собственно, неутешительный итог известен: крыльями трещат лощено, клювами часто пощёлкивают... Да и кроме этого, примеров масса, масса, только разве они послушают?! Пусти нас пусти нас пусти нас...

Шумят, галдят, не прекращают напирать, не думают остановиться. Уже сомнения начинают закрадываться: может, и правда пустить? Только здравый смысл пока преобладает: без посторонней помощи разве управлюсь? Пока держусь, пока...

Хотелось бы спокойно жить, не мучить, не изводить себя, не терзать, не заниматься изо дня в день одним и тем же, одним и тем же. Но – привык, слишком привык, вот только досаждают стенания за дверью. Знаю: придётся, придётся поддаться на их требования, уговоры, необдуманные, поспешные, сумбурные речи. Рано или поздно они dokonают меня. Я жду, терпеливо жду. Чего? Быть может, шума шелеста над головой... Быть может, чудес... Думаю, это могло бы помочь. По крайней мере, знал бы, что делать. Нет, не так: знать-то знаю, но уж тогда точно не было бы никаких сомнений, никаких сомнений...

Как замечательно не иметь сомнений, но кто позволит такую роскошь? Да и есть ли среди смертных подобный? Это

им, им всё нипочём в своём бесплотном мире, в котором никто не ведаёт про сомнения, в котором нет места для опасений. Для них это – пыль, прах, фантом. Здорово, удивительно: фантом фантома для нас – реальность. Напоминает чудные дебри математики, где минус на минус даёт плюс. Эти математические хитросплетения – подобие дебрей бытия, заплутать в которых проще, чем в чащах непроходимых лесов. Но как преодолеть их, как выбраться на верный путь без провожатого, без этого бесплотного вергилия, посланного в помощь из-за людской слабости, неуверенности в собственных силах, лени и прочего расчудесного букета неисчислимых человеческих недостатков. Пока вергилий этот, крепко взяв за руку (кого-то, помнится, и за волосы), влечёт по едва приметным тропам, по пути, который не дано внимательно рассмотреть: во мраке, в тумане, в сумерках, в какой-то мельчайшей взвеси. Увлекает вперёд. Откуда знаю, что вперёд? Из того, что лицо направлено туда? Тащит за собой в неизвестность... А те продолжают свой нескончаемый вопль. Или жданный вергилий только чудится? Но те, кто вопят, знаю – нет. И опять, опять остаюсь один, а те сгрудились, стоят, хрипят своё, и никого рядом, никого! Кто и был – убежал, сбросив покрывало. Только хрип, только злобный шёпот оттуда, из-за призрачной двери: пусти нас, пусти нас, пусти...

Надоели, как же вы надоели! Мерзкая кучка злобных призраков беснуется, царапает, грызёт дверь, колотит в неё бес-

плотными кулаками, локтями, коленями, не прекращая своих криков, хрипов, шёпотов. Потом, потом они станут милыми, покладистыми, может, слегка взвинченными, может, только иногда проскользнёт ругань в их гладкой, отточенной мною речи... Они уповают на то, что приведу их, дикарей, в порядок, дам привлекательный вид, дам в вечное пользование неистрепанную площадными ругательствами и омерзительными проклятьями речь.

Да-да разумеется... конечно непременно... вы право так любезны... это было бы замечательно... всегда к вашим услугам... что вы что вы... о будьте так любезны... нет простите нет... исключено определенно исключено... совершенно невозможно...

Вот их настоящее желание, именно этого хотят они: стать иными, стать как мы, затеряться среди нас, принять наш облик, стать нами. Оттого так неистовы, так грубы, так несдержанны, оттого они рвутся, рвутся оттуда сюда, почти потеряв рассудок, ибо чувствуют: мечта их близко, близко...

Что кричат они – не могу передать, не желаю ни выслушивать, не повторять такое. Как же они надоели, как надоели... Может, сейчас? Может, нет вовсе никаких чудес, поводырей, готовых помочь? Может, просто отворить им треклятую дверь? Но что-то удерживает меня от поспешного, необдуманного шага.

Кажется?.. Мерещится?.. Чудится... Будто нечто новое слышится среди утомительного шума приглушённых кри-

ков, проклятий, всей этой надоедливой суеты. Да, да! Сначала где-то не близко, где-то в отдалении, потом – всё ближе, ближе... Слышу тихий, негромкий шум. Нет, не так, как вы думаете – шумит по-иному. Похоже на шелест, тихий шелест прямо над моей головой. Там за дверью всё притихло. Я молчу и они притаились. Мы молчим. Один только тихий, едва уловимый шелест заполняет всё: это пространство, да и то пространство тоже. Вдруг понимаю: не нужно больше сдерживать их, ибо время пришло. Тогда: отхожу от двери, сажусь за стол, кладу перед собой лист чистой бумаги. Белое, пустое, холодное пространство на темной, бездонной, лаковой глади. Беру карандаш-кифару с шестью чёрными гладкими гранями. На одной из них серебром выдавлено: ORFEY. Начинаю петь, под аккомпанемент единственной, ломкой струны.

Надо мной будто что-то довлеет. Не могу объяснить. Оно не материально, оно не имеет ни плоти, ни костей, ни дыхания. С чем могу сравнить? Наверное, с подобием зова, если исключить из него звуковую составляющую. Влечение! Услышал, узнал, почувствовал и принял. Принял его, как только сжал гладкие лаковые грани; принял, едва устремил взор внутрь чистой, холодной, белой пустоты и обитающей в ней неизвестности, и усмирил дыхание, и отвернулся от обыденности, и отыскал тонкую, слабую нить, оставленную, чтобы помочь потом выбраться из лабиринта, на пороге которого стоял. Робко стоял, нерешительно переминаясь, раздумыва-

вая, пока ещё страшаешься войти туда. Сквозь бледномутный туман, в таинственный этот сумрак, в эту непустоту. Что-то наблюдает за мной, притаилось и наблюдает... Оттуда? Откуда же ещё?! Откуда я знаю? Чувствую, словно зверь острым своим чутьем; оттого и остался у входа, не двинулся внутрь, смотрю туда напряженно, испытующе, тревожно. Что-то наблюдает за мной. Почему так думаю? Объяснить не могу. Если бы чувство было поверхностно – разобрался бы в нем, пускай не сразу, пускай для этого потребовалось время, но оно слишком глубоко. Глубоко внутри моей головы, или груди, или... Уже не знаю, уже понять не могу – я в смятении. Чем больше желаю разобраться, тем сильнее все запутывается, все расплывается, все ускользает от понимания, как сухой песок из пальцев, желающих его удержать, как мокрая медюза, оставляющая на ладони только влажный, липкий след... Ненадолго – потом и он исчезает.

До таких глубин не дотянуться разумом, а чувство не становится менее острым, менее досаждающим: подает сигналы, требует осторожности, предупреждает об опасности. Оно знает гораздо больше разума, но не спешит предоставить свои догадки, свои открытия, свои темные откровения. Отчего? Оно подготовлено лучше, ему не грозит рассыпаться от соприкосновения с тем, чего нельзя ощупать, нельзя объять зрением, нельзя поместить в хрупкий сосуд рассудка. Ладно, ладно, допустим, но что там притаилось, что не желает быть узнанным? Версий много. Большинство вызывают

тревогу. Надо сказать, вся ситуация вызывает тревогу. Мне остается одно – сосредоточенно глядеть вдаль. Где эта даль: извне или внутри? Ещё предстоит разобраться... Взгляд всегда натывается на преграду. Тончайшая, ускользящая от взора вуаль, едва дает узреть этот отпечаток, эту тень, этого антипода, сделанного по необразу, сотворенного по неподобию – неточный слепок, мерзкий портрет. Не рожден, сотворен. Не из глины тяжелой, красной, но из материй, из тканей, что воздуха легче, незримых, небесных. Иногда будто чувствую рядом движение невесомого, легкого тела, дуновение незримого дыхания, звук мягковоздушных шагов. Чушь, чушь, все – чушь! Нет там никакого тела, а значит, и дыхания нет (ни теплого, ни прохладного), и мягких подошв, и звуков тоже нет никаких. Он всё время приходит. Идет из глубины своего мира прямо навстречу, пока не останавливается в одном шаге. Могу протянуть руку... Не могу коснуться его. А так хочется, так хочется иногда пощупать, понять: из чего соткан этот фантом. Не помню его уходящим, не вижу этих исчезновений. Всегда бесшумно, невидимо, не ясно как... Всегда опаздываю на один шаг, на одно движение. В лучшем случае! Бывает на два, бывает и больше. Никак не могу опередить его. Мне кажется: он знает, что я вот-вот совершу, что я уже задумал, чего теперь желаю – все-все мои планы. Где отыскал лазейку? Разве под силу ему совершить такое? Возможно, я становлюсь игрушкой, послушной куклой в его руках. Нет рук? Или, все-таки, есть? Какая разница... Не ис-

ключаю, что сам впустил его, позволил быть гостем, только, кажется, теперь он не желает никуда выходить. Возможно, хочет обхитрить меня, стать мной? Любопытно, такое ему под силу? Зачем ему все эти сложности? Какую выгоду он разглядел? Что ему открылось? Во мне нет ничего значимого, ничего великого. Или я ошибаюсь? Разве я чародей, провидец или пророк? Я всего лишь тот, кто исполняет, трудится, вкалывает... Да, мне нравится это. Да-да, нравится! А вот он не утруждает себя, не желает быть работягой. Возомнил о себе невесть что, возвеличился, вознесся... Он – пустышка, сибарит и ленивец, и ему отвратителен усидчивый, кропотливый труд, требующий, точно божество от своих поклонников, отдавать себя ещё, и ещё, и ещё... Ему не по нраву такое. Он не любит заставлять себя сидеть и слушать в тишине голоса. Ненавидит понуждать себя слышать их, уловлять их, настроившись на нужную волну. Ему претит пытаться, как животному, поджидать в засаде пищу, незримую, неосязаемую, тонкую пищу невидимых, зыбких пространств. Нет, не по нраву ему долгое (часто томительное иногда сводящее с ума) ожидание, прежде чем покажется из сумрака, из непроницаемой тьмы неясные очертания чего-то неизвестного, чего-то нового, чего-то влекущего, и потом кропотливо, не торопясь продолжать извлекать это из цепкой тьмы, чтобы подарить форму, вдохнуть дыхание жизни. Ведь он и сам подобный фантом, да вот только известно ли об этом ему?

Где-то в пространстве непознанном, где нет ничего, ничего: ни дня, ни ночи, ни вечера, ни утра, ни устремления, ни покоя, ни действия, ни бездействия, ни еды, ни питья, ни плоти, ни вещества, ни верха, ни низа, ни справа, ни слева, ни впереди, ни сзади, ни минувшего, ни грядущего, подобно образу мысли, не прозвучав, но услышаны были слова:

Некто: Не один ли творящий?

Некто иной: Один.

Некто: Творящий один, и действие должно быть одно, как у одного.

Некто иной: Разве он раздвоится, если действовать двойственно будет, сообразно природам своим?

Некто: Не должен он этого делать...

Некто иной: Это делает тот, другой.

ни факелов ни хитонов ни мягких овчин ни серебряных ручек ни крепких засовов ни размышлений бессонных на постели несмятой... постели несмятой?.. постели измятой где сновидения словно души героев над полем сраженья летают человек некий к прекрасному слову влеченье имея к ремеслу незнакомому дух устремил но медлить без суеты он любил не спеша предаваться мечтательным грезам и нежнейшие музы привыкшие всегда начинать с того что захочется им на тихих и мягких стопах уходили уступая место морфею оттого пред мысленным зрением когда взор своих глаз смежал он событий чудесных картины вдруг возникали несущие

в себе иногда назидательность поучительную иногда поражающие волшебностью таинственной или ужасом неопишущим душу сжимающие однако обычные мысли его сновиденьями не затуманенные чаще касались вещей обыденных самых и прозаических или даже попросту говоря шалопайских как будто был это не человек готовый ступить со всей серьезностью по тропам взрослой жизни а полный ещё дурачеством отроческих и всевозможных проделок юноша живущий бездельниками ребячьими да пустяками всякими видимо в день когда музы разумности поучительности и назидательности упорхнули к иным собратьям его соизволившим пробудиться пораньше и оказавшись так сказать на бобах человеку тому осталось довольствоваться доставшимися ему насмешками фальшевыми да легкими фривольностями и то вполне сгодится пусть легкий жанр как говорится... да уж легче не бывает не считая разумеется скабрзностей но пусть лучше что-то чем вовсе ничего именно так с легкой руки праздности или как бы заметили некоторые бездельники с бухты-барахты припомнилась вдруг человеку тому презабавная история о двух почтенных (как оказалось на первый только взгляд) особах наипрекраснейшего пола которым вознамерилось в один из погожих деньков выйти из дома в особо чудесном расположении и в руках не несли они зонты облепленные песком а в сумке их не пустостукались друг о друга безмалогодюжина раковин но нечто совсем иное припасено было там

ибо вздумалось этим, почтенного возраста дамам,

на пикник выйти вместе, и в том не было срама,

потому что назвать пикником это можно едва ли:

небольшой пикничок – обе дамы друг другу сказали

да-да пикничок да не просто пикничок в тихом уютном местечке где-нибудь за городом где свежий чистый воздух мог бы поспособствовать активному слюноотделению а великолепные виды живописных окрестностей усиливали бы выделение желудочных соков но отчего-то втемяшилось в почтенные хоть и премного ветренные (не по годам не по годам замечу вам замечу вам) головки тех седовласых и давно утративших стройность представительниц наипрекраснейшего пола устроить себе тот самый пикничок на самом верху старинной башни в которую запросто можно было попасть за небольшую плату чтобы обозреть живописные городские окрестности и оттуда великолепный вид во все стороны открывался ничего не скажешь уютное они отыскивали себе местечко скорее соответствовало оно интересам куда более юных дочерей Евы но как говорится попала шлея под хвост а ещё говорят седина голове а уж бес в ребре интересно-интересно в каком это ребре? уж не в том ли из которого и была сотворена тогда ещё бесхитросно-простаковатая пра-

родительница их? только это так сказать излишние замечания и весьма приватные умозаключения не имеющие к самой истории почти никакого отношения

Вот история:

По вдохновенью паренька посетило виденье: две почтенных старушки и, к тому же, подружки, пообедают на башне задумали. Хлеб купили с грудинкой отменной, слив две дюжины, и постепенно – так как очень старались – обе дамы поднялись и грудинку, и хлеб там откушали. А потом черти их обуяли, и старушки вдруг юбки подняли – высоты испугались, иль от ветра задрались, но старушки задорно хихикали. И в конце они обе ретиво объедали до косточек сливы – ими (вымолвить страшно), с высоты этой башни вниз плевали они во все стороны...

это вместо того чтобы наслаждаться прекрасными видами представленными взорам их которые были ничуть не хуже а возможно и лучше припасенной снеди а снеть та была прямо пальчики оближешь да-да именно так а ещё свежий воздух да отменная погода и скорое наступление теплого вечера ну чем ни благодать одна женщина легкого поведения невоздержанная на язычок (да и не только) по этому поводу вполне могла сказать какая благодать и дать могу и взять (однако воздержимся от скабрзностей) но кажется нить выскользнула пропала внезапно всё начиналось внезапно и оборвалось ибо как уже говорилось прежде едва только сон опускался ход мысли его изменялся что и не мудрено

как не мудрено затеряться в смутном этом пространстве без всяких намеков на завершенность ха! ещё бы так всё запутано-перепутано похлеще чем в космосе диком в эфире этом пустом разве пустом? да и в том безжизненном тоже так уж и безжизненном... разве можно предугадать? отдыха никакого не знают вот опять начинается движется кажется что-то знакомое очень знакомое постой-ка нет-нет ерунда плоится какая-то снова и снова и снова... едва успеваешь уловить кое-что в хороводе том буйном видений-бурлений-хотений пооди вот поспей поиди там пойми всё уносит уносит и нет ничего и не догонишь ннее... ннее... несет меня лиса за темные леса там в темноте жуткого неведомого пространства разве проще дорогу найти чем в нашей неосязаемой тьме? раз и пропали слова не припомнишь уже никогда два появилось невесть откуда изображение да такое точно в жизни увидел эту картину во всех красках и не побоюсь заявить анатомических подробностях но вовсе на жизнь не похоже огромно-стью было видеть такое неже ничтоже сумняшеся боже могу подытожить тут нужно быть настороже нечто там лезет из кожи но что же? вижу звериную рожицу

Нет, не будильник – телефон. Чародеи и колдуны, они упрятали туда будильник! Разве что-то изменилось? Да ничего. Рука нашупала, отключила визгливые звуки. Бледные волны света ласкали прикрытые глаза, мягко гладили снаружи опущенные, нагретые, теплые веки. Вот сейчас они рас-

кроются навстречу восходящему, алому солнцу два испуганных, нежных цветка. И отверзлось пугливое зрение, и выступили из влажной темноты предметы и вещи, и начал проступать (исчезнувший на время владычного сна) весь трепещущий, обновленный, рождающийся как бы заново мир, и заспанная, доверчивая душа медленно шевелилась, лениво потягивалась – пробуждалась очарованная призрачными грезами, иллюзорными образами сна. Росовлажная нежная душа неторопливо тянулась к солнечному свету, который впустили открытые очи и который весело освещал её таинственный и загадочный сумрак.

Потолок. Белый... Люстра посреди. Плафонам цветного стекла вид придали цветов на изогнутых гибких стеблях. Их проросло изгибаясь три. Любимое число мужчин. Не разоришься. Лишь один расцветает. Завяли пожухли другие. Окно в обрамлении полупрозрачных штор. Лежит голова сонный взгляд уставя в окно. Неба алого глаз не мигая взирает оттуда. Одинокая черная птичка мелькнула... Что видел во сне? Не знаю не помню. Помню яркие бессвязные обрывки кажется что-то из книги которую начал недавно читать потом ещё небывалое что-то чего не увидишь здесь наяву... Истории которые видеть пришлось и довелось побывать-участвовать хотя сам того не желал. Путешествие в области не знакомые прежде. Прошла ночь и приблизился час пробужденья. Пробужденье подобно рождению... Наверное хорошо когда ты снишься сну. Мысли сна сочились оттуда в

явь как капли капризной воды из краника который забыли закрыть поплотней. Какой ещё краник? Кап-кап-кап-кап...

Шум пробуждающегося, трепещущего, волнующегося города, понемногу вливался в изнеженный сном слух, как капли воды из краника, который забыли плотно закрыть. Всё спуталось, расчленилось, рассеялось в мыслях плавно плывущих, стало неясным, как будто укрытым туманом; волна набежала на камень, разбилась на мелкие брызги и прочь отскочила, и капли подсохли, которые медленно прежде сочились. Я уснул, спал, восстал. Что же видел во сне? Не помню... какие-то странные видения, что-то маловероятное, невообразимое, чего никогда не могло быть. Наверное, навяждение, иллюзию? Иллюзию? Да-да именно! Туманную иллюзию стремительно наступающего, ещё незагубленного дня, смутную иллюзию медленно пробуждающегося, ворочающегося, скалящего свои клыки, дикого, хищного дня с красным своим оком. С белопенной постели пора подниматься!

Утро начиналось с небрежно брошенного взгляда в квадраты окон. В один сначала (тот, что с постелью рядом), в другой затем (этот в другой комнате). В одном (том, что с постелью рядом) – мягко, заботливо освещенные солнцем, желто-зеленые кляксы деревьев на фоне безупречного неба; в другом (оно и в комнате другой) – сошуренный солнечный свет на циклопической стене из белого кирпича, по которой растянулся огромным наскальным рисунком желтый

десятилапый знак, напоминавший гигантскую жужелицу (по крайней мере, наводил на мысли о жуткого вида скутигерах). Огромный желтый жук поджидал (кого?) на огромной стене. Миндалевидное бледное облако в небе напоминало чудовищный глаз. Где обладатель его? Тут явно не доставало какого-то громадного роста господина. А быть может он просто пошел прогуляться (зачем и куда?). Пошел прогуляться, позабыв в чистой лазури бледное око... Пробуждаться от видений мучительно, как и родиться на свет. Чего только не придет в сонную голову, какие мистификации не заставит принять она за реальность, пусть даже и на краткое, краткое время?!

Эти умники спарили будильник с телефоном. К чему теперь, спрашивается, сдался старый будильник? Да незачем и спрашивать, пускай

урчит себе на холодильнике

мелкая тварь,

называемая будильником...

И что мне делать с ним,

с будильником моим?

Созерцать время, когда лень до телефона добраться?
Сродни новомодным картинам, которые хитроумные дельцы
выставляют в глянцевых галереях.

Нечего впустую трандеть,

В нём хоть время можно узреть;

Впрочем, ничего плохого он ведь не сделал – так... утренний скепсис. А вот и сделал! С чего он бесится? Ну, подумаешь, уронили беднягу. Кого только не роняли, но значит ли, что каждый из павших – или, если хотите, из упавшего – сошел с ума? Разумеется, нет. Так отчего же заводить истерику (относительно сложившейся ситуации, правильнее будет сказать: спускать истерику)? Ведь заведен-то он уже давным-давно, простым вставлением батарейки. Так чего истерить по поводу и без всякого повода? И, пожалуй, без всякого повода – более правильно, ибо по поводу он уже не подает сигнала. Работает себе, работает, плавно перемещает в квадрате корпуса по кругу две черные стрелки, и одну дохленькую, страдающую неизлечимой тягой к мелким конвульсиям. И – вдруг взорвутся хриплой трелью, сошедшись в месте, противоположном назначенному (т.е. за 180°); а бывает и за 90° (в обе стороны), или за 80° и 100° (соответственно), или за 70° и 110° , или за 60° и 120° , или за 50° и 130° , ну и так далее – сколько будет угодно; это ещё только целые

числа, а не (допустим): 45° и 135° или 38° и 142° , не говоря уже о дробных, уводящих прочь от грубой реальности в тончайшую метафизику иных миров. Да только извергу этому начхать на всякие веские умозаключения, ученые выкладки, экзотические теории. Нет, он *non pro e non contra*¹, он дребезжит, дребезжит, дребезжит... Сил больше нет! Раздраженно вжимать палец в капризную кнопку бесполезно, бесполезно: она отключает тревожные визги только до того мгновения, пока не уберешь с неё палец. А после – вновь: визги, визги... вот оно последствие застарелого падения, перешедшее в хроническую фазу.

Раньше переворачивал сумасбродный будильник, и наступал покой. Так сказать, ставил визгоизвергателя с ног на голову – под давлением собственного веса истошные звуки прекращались. Потом забросил пустое занятие: возвращать взбалмошный механизм (после того как он стоя вверх тормашками неведомо отчего прекращал свои мерзкие трели) в прежнее состояние. Стоя перевернутым, механизм продолжал исправно работать, вот только не плодил, извергая из собственного нутра, раздирающих визгов. Разве это беда? Ну, стоит перевернутым – мне нисколько не сложно распознавать время при столь необычной подаче. Каково ему? А что ему сделается? Время показывает, не беспокоит спонтанным звоном. Чего ещё нужно?! Только она считает: если 6 – должна внизу стоять, а 12 – вверху, а 9 – слева, а

---

¹ – (лат.) не за и не против;

3 – справа, именно так должно быть, а не наоборот. Очень спорный тезис. Напоминает о дискриминации леворуких детей. Пробовал вступить в дискуссию – бесполезно, наткнулся на непрístupную стену непонимания. Говорит: не могу видеть этот абсурд. Очень спорный посыл. Вокруг столько скопилось явного абсурда, с которым мы свыклись, и видим, и готовы видеть ежедневно и ежечасно, однако ведем себя скромно и понимающе... К перевернутому будильнику, наверное, можно также привыкнуть. Нисколько не раздражает и не гневит его беспардонный, его издевательский вид. В чем издевательство, если желаешь стоять на голове, если желаешь быть иным? Попахивает диктатурой, насилием над личностью, тоталитаризмом... Желал ли он? Но мы не знаем и обратного... При чем тут механизм? Разве механизм не может быть личностью? Нет? Ладно. Возможно не теперь, когда-нибудь после, в будущем, когда все будет по-иному? Нет? Ладно. Пришлось вернуть послушный механизм в прежнее положение. Эврика! Взял липкую ленту, вжал ею кнопку, закрепил-протянул-приклеил другой конец сзади – молчит будильник, присмирел. Ну как? Молчит и она, только не от смирения вовсе – сказать вроде бы нечего. А хочется, так хочется; вижу – ох, как хочется... Ладно, хватит об этом. Пора двигаться дальше.

Уснул, спал, восстал, почесал (где нужно). Она спит рядом – пусть спит. Но где радость сердца, веселье души? Пошел

в уборную. Шумы за прикрытой дверью: *breve silentium*²; за ним – кряхтенье негромкое; за ним – звонкое бззжжж, шумное пффшшш, раскатистое пррррффыююю, и – тут же – суховатое, исторгнутое пфуукххх; за ним – шуршание, отрывание, вытирание; за ним – шустрый звук уносящейся воды; за ним – шум бурного наполнения фарфоровой чаши; за ним – выход обновленного человека. Здорово нас придумали: стоит только напрячься, вывести смрад вчерашнего дня, и скепсиса как не бывало. Будто бы только родился. Не буквально, конечно, да и чтобы полностью обновиться – такому объему не уместиться! Ощущение внутренней свободы (почти буквально) радует тело. Окно отворил. Воздух свежий впустил. Птичьи слышались звуки: потрескиванье легкое клювом и циканье тонкое: «так-так», «гиикс-гиикс-гиикс». Я не в волшебной стране, чтобы понять, о чем они там судачат. Начался новый, беспощадный, хищный день.

Пришла пора гимнастики. Пожалуй, слишком громко сказано – всего лишь несколько незамысловатых движений, знакомых ещё с детства. Место – большой тканый ковёр. Очень красивый узор: головоломное сплетение ломких цветных линий. Иногда кажется, когда вечерами гляжу на него: какая-то тайна сокрыта в переплетенных узорах. Возможно, некое чудесное повествование таится в его прекрасных извивах, которое можно читать и слева направо, и справа налево, и по кругу, и по спирали, и как только пожелаешь. Главное,

---

² – (лат.) краткое молчание;

разобраться в таинственных письменах, отыскать их начало в головоломном лабиринте переплетённых крепких нитей, образовавших прекрасный, ковropодобный манускрипт – чудо, сотворенное неизвестным мастером. Зачем он задумал его? Зачем решил создать? Зачем закончил? Не лучше ли было время от времени распускать, не доводя до конца кропотливую работу. Может до середины (или еще меньше?), и вновь трудиться, вновь заводить навой меж нитями, притягивать их друг к другу, медлить, обдумывать, приступать-свивать-распускать-возвращаться (как могла поступить отважная древняя рассказчица, сооружая владыке лабиринт из выдуманных историй, пока не подошла в своем длинном повествовании к месту, где она только начала сочинять повелителю удивительные свои легенды, в которых было... и вновь начала бы с той самой первой, всё понемногу меняя в веренице этих удивительных сказок), чтобы начинать снова, и вкладывать новые мысли, и сочетать новое, и творить чудесное, незавершимое, ну а если довелось ошибиться – начинать сначала, опять. Так, пожалуй, и было. Нет, так могло быть, но так не случилось. Труд завершен, и работе конец наступил. Мастер сидит, смотрит на изделие. Теперь оно не принадлежит ему. То, что завершено, закончено, вызывает в сердце и тоску, и радость. Тоску от того, что долгий, кропотливый труд, которому отдано было столько сил и времени, и мыслей, и забот – завершен, окончен; радость – от того, что творение рождено и наступило время для его самостоя-

тельной жизни. Такие мысли неторопливо льются при долгом взгляде на этот ковер.

Она говорит... нет, не теперь – теперь спит на нагретом ложе. А здесь, на ковре, совершаются гимнастические упражнения. Пожалуй, пафосно сказано: несколько взмахов руками, десяток приседаний и десятка три-четыре... пять (пока в планах) отжиманий от пола, ну и там кручений-верчений-наклонов. Так вот, она говорит: живот!.. нужно немного убрать живот, чтобы не был ты как бегемот. Какой живот? Где? Не видала она животов... бегемотов, кстати, тоже.

Не люблю гимнастику – не лежит душа. Видно в юности хватило. Только она разве будет молчать? Она продолжает буравить: «Нет, что ни говори, а немного убрать живот надо. Вспомни, каким ты был!» В детстве, помню, и не выпивал, и думать не смел о е... (ну сами понимаете). Впрочем, легкие отклонения в обоих направлениях были, были; а она: живот, живот... Ладно, придумал. Тут, как с будильником: надо проявить нестандартный подход. Проще показать готовность к сотрудничеству, чем недальновидно пререкаться. Пять минут – разве убудет? Ладно. Стану гимнастом на недолгое время. Повертел головой, руками, туловищем; выпрямлял руки, сгибал широко расставленные ноги, и в конце-концов уперся руками в пол. Один-два-три-четыре-пять... пол теплый; шесть-семь-восемь-девять... легко дается; десять 11 12 13 пфф пфф ещё ещё 14 15 16 17 18 каажетсяяноогипаахнут-

счегоообы 19 20 21 тоочнонооги уффф 23 24 25 лаадно-
хвааатит 26 ещёёёёраз 27 всёёёё дозавтра. Баста! Похож ли
на гимнаста?

Надоедливого города шум хлынул в приоткрытое окно
непрестанно, тошнотворно, липко. Вновь суета аннелидо-
ва, опять червеподобное снование-существование: поджал-
ся-разжался-докормапонемногудобрался (если конечно по-
везет). Тело прокормить, плоть напитать облепившую ко-
сти. Ибо сказано: «от того, что раздобудешь, тем питаться
ты и будешь.» Два отверстия служат еде. Одно – царствен-
ный принц, которому достаются все почести, все вкусы.
Другое – грязный двойник Сизифа (вынужденное бесконеч-
но толкать мягкое подобие камня), бастард, униженный тем,
что должен вечно выплевывать невкусное. Оттого и подобия
губ его сжаты в жопкуриную. Оп-ка, оп-ка, жопа сжалась в
жопку. Разве её вина?

Губы двигаются, симплегадово смыкаются-размыкают-
ся за ними зубы. Все впускать, всё сжевать, всё раз-
мять... Ам-ам ями-ями ням-ням. Ожил червь внутри. Ан-
не-лида анне-лида сжимается-разжимается сжимается-раз-
жимается. Крылья где? Где гармонии красота? Одни коль-
ца. Снаружи-внутри сжимается-разжимается. Город-червь.
Ползет-жуёт, ням-ням ням-ням, шумит-бурлит. О-то всю-
ду, о-то всю-ду. Здесь-нет тиши-ны. К че-му ду-мать? Пол-
зи, пол-зи, сжи-май разжи-май. Раз-два, раз-два... Не ду-
май, не ду-май, пол-зи, пол-зи, по ко-я нет, нет-нет, нель-

зя раз-ду мы-вать. Этот шум, этот скрежет железных внутренностей затягивает, шум суеты. Грешное пространство с грешным временем пожирает грешную плоть неотменимо. Как Ты сказал, так и вышло – кто бы сомневался?! Неотменимо, но может быть изменимо? Только бы скрыться от этого шума, окунуться туда, в тишину, погрузиться ещё глубже, глубже – там иное. Вот новое творю и ветхого уже нет, и уныние пройдет, и уйдет тоска. Да утвердится тишина, и расточится отвлекающий шум, и да бегут ненавидящие ея, любящий же пребудет с ней вовек. Когда б так просто было всё...

Шум манящего надоедливого города лезет в уши из открытого окна, сочится сквозь мелкую сетку свесившегося, воздушного тюля. Проникал. Отвлекал. Хлоп – окно. Соскользнула рука вниз, описав четверть круга, туго прижала створку. Исчез звук. Точно пальцы плотно вошли в ушные отверстия, слегка провернулись, плотно слух затворяя. Тишина!

В благословенной тишине мысль вошла в голову; опять мысль о нем... О ком? Он и сам не ведал. Не видел лика его, не знал имени его – будто тень бесплотного призрака... Воображения быстрая мысль (как раскаленной лампочки свет) выделила очертания незнакомца из жуткого мрака неизвестности; и незнакомец, не имевший ни имени, ни лица, а лишь туманный, расплывчатый контур, встрепенулся, выполз из своего мрака и, можно сказать, ожил. Да только мысль пре-

рвалась – кто-то выключил незримой лампочки свет... Что там с незнакомцем этим? Неведомо! Решил: ладно, додумает после того, как водой после сна освежит свое тело. А незнакомец тот, после пробуждения своего, захотел ли отправиться снова во мрак, где был он бесплотен, невещественен, незрим?

С волос, тела, ног уносила теплая вода проступивший (за минувшие день-ночь) запах прегрешений прочь, в пластиковое отверстие стока. Теплящих, согревающих струек многомногомного. Тело разомлело. Благодворящая баня! Ну, пора: раз – холодная вода сейчас. Ой – надеваем костюмчик ледяной. Стянулась кожа всюду – полезно для сосудов. Уфф, ухх, в теле здоровом здоровый дух (прости Господи за богохульство), избавились от сонного пульса. Кап – вода – капкап, капкапкапель, уфффффф...

Для удаления влаги с вымытого тела, был избран не благородный порфир с золотым цветком в углу, а немного истертая синь небес (находившаяся, как и положено небесам, наверху), где по одному краю, в короткой красной распахшонке, шли приплясывая пять ипостасей знаменитого сказочного медвежонка, а на другому краю их ожидал (также размноженный впятеро) предмет вожделений этого чревоугодливого персонажа. Тело, растертое докрасна, согрелось, бодрая кровь бурлила в венах, артериях, в мельчайших сосудах. Ликовала душа. Не дали ощутить сполна ускользящее утреннее счастье – кому-то приспичило нажать на вход-

ной звонок. Зазвенел (если можно эти хрипы обозвать звонком) жалко, напомнил шамканье беззубо-влажного стариковского рта. Кому в голову пришло тыкать кнопку звонка в этот час? Вот б...! Уже нет безмятежного, легкого счастья, сладко заполнявшего внутреннее пространство. В попыхах набросил цветной женский халат. Надо идти, надо идти; кому-то устрою встречу... Встал и пошел, и отворил двери. Этого следовало ожидать: там – извне – никого. Хренов весельчак поднялся ни свет ни заря, чтобы выкинуть дурацкую шутку. Разве понять утончённый смысл её?!

– Ну и кто здесь? – вырвалось из возмущенного нутра. Только сложно получить ответ от пустоты...

– Кто там? – едва дополз отдаленным эхом, из глубин пространства за спиной, сонный женский голос.

– Никто – последовал ответ.

Немного помешкав (ещё раз внимательно оглядывая пустоту лестничной площадки, включая пустоту потолка), запер двери. Шелеста шум потревожил как будто разборчивый слух. Может, незримые вестники пытаются оболванить призраками многострадальную голову, но зачем, зачем? Чего хотят они? К чему посланцам скрываться, если они направлялись сюда?

Взять, например, сон. Почему сон? А почему нет? Не самая плохая вещь сон. Впрочем, только думаю так. Не точно сказано, лучше: делаю заключение из наблюдений, раз-

мышлений и раздумий. Но сам не могу позволить себе такую роскошь; да, признаться, она (хотя гораздо правильнее было бы сказать он) мне ни к чему. Это ему, именно ему, необходимо по восемь, по девять, даже порой и по десять часов в сутки готовиться, репетировать, только никудышный из него актер. Скорее напоминает паяца: снов не помнит, рассказать не умеет. К чему столько времени тратить тогда на них? Да ведь и оставить – бесполезное для него – занятие не в силах. Сколько, ну сколько? Сутки, двое, пусть даже трое (вряд ли больше) сможет обойтись без сна, и все... Все! А ведь можно продержаться гораздо, гораздо дольше. Скажу так: мне и вовсе не требуется... Уже говорил? Бахвальства никакого здесь нет. Спать некогда, нужно быть всегда начеку и не следует расслабляться. Пускай он проводит отпущенное время праздну, попусту транжирит его. Ну, конечно, он думает, мол, ничего с ним не произойдет. Возможно потом, когда-нибудь, но уж точно не теперь, не сейчас, и, разумеется, не здесь. Какая самоуверенность, какая глупость, какое самомнение, возросшее на пустом месте. Однако, вернусь ко снам... Как можно не помнить их? Мне, порой, кажется: он сам себя водит за нос. Ну как можно не помнить снов? Таких удивительных, чудесных, восхитительных, волшебных? А он все попукивает спросоня; едва поднявшись с кровати, тут же бредет в свой клозет и восседает там, закрыв глаза, чтобы хоть на несколько мгновений продлить агонию сна. Молчит, восседает, побряхтывает, освобождаясь

от накопившегося дерьма, вместе с остатками воспоминаний о минувшем сне (которые покидают размякшее сознание помимо воли), оставаясь, в конце концов, один на один с не менее дурно пахнущей действительностью. Может, думает, что действительность эта сможет заменить ему чудные те видения. Ну чем не шут гороховый? Променять волшебство, непознанное разумом, на грубый реализм унылой жизни, на печаль, на ежедневную тупую боль, саднящую где-то в глубине плоти, которую не вырвать, не истребить, не избавиться, разве только во сне. В чудесном, мягком, шелковом сне. Да ещё... нет, не буду, не буду об этом. Разумеется, радости в его непримечательном существовании тоже есть, но они столь малы, столь ничтожны, в сравнении с горестями; им не в силах управиться с огромной тоской, которая с годами наваливается, подобно каменной глыбе, которой придавливал путников алчный коринфский царь. Что мне до того? Пускай он изворачивается, сжимается-расжимается; пускай он будет червём. Мне не о чем беспокоится. Ведь я, пожалуй, неуязвим, или это только мне мнится, и мы слиты, спаяны с ним, как когда-то были Поллукс и Кастор, и наша судьба, подобно судьбе Диоскуров, нераздельна, и мне суждено всегда возвращаться – куда бы не занесла меня жестокосердная судьба – к нему, моему странному, не всегда понятному мне Кастору? Вновь и вновь возвращаться к тому, кто (в отличие от меня) так не любопытен, вял, ленив, нерасторопен, подвержен частому воздействию уныния и приступам тоски; от

которого – из-за его предрасположенности к плотским радостям – ускользают духовные, тонкие наслаждения, и чудные видения не посещают его. Впрочем, возможно и посещают, только несчастный мой Тиндарид не ведает, не помнит об этом. Пожалуй, не ведает он и о моем существовании или, всё же, догадывается, ощущает нечто своими толстокожими, обросшими жиром лени, чувствами? Сомневаюсь, сомневаюсь. Однако, допускаю: может, что-то я упускаю, недооцениваю, о чем-то сужу поверхностно... Довольно, довольно жеманства! Кастор, Поллукс... Поллукс, Кастор... Диоскуры... тонкие душевные материи, чудесные духовные путешествия, сны, волшебство сновидений... Для него все мои речи, все мои мысли – полнейшая ахинея, бессмысленные словомыслеpletения, утомляющие его размягченный мозг. Да и может ли он слышать, понимать их? Возможно, они чудятся ему каким-то надоедливym, едва различимым и весьма докучающим шумом. Ну что ж, пускай живет в своем дикарском неведении, по крайней мере, пока. Может ему предстоит узреть своего адмирала моря, который (в отличие от носящего Христа итальянца) твердо знает, куда прокладывает путь. А пока есть я, и есть он: мурыжный тип, не знающий ровным счетом ничего, кроме очевидных истин, которые с детства ему разжевали, прежде чем скормить (разумеется от них оскомина от них воротит и тошнит...), и о которых не осведомлен только полный болван. Да и о них, пожалуй, не помнит этот бездельник, лентяй и притворщик, или

тут же забывает, как тот забавный, чудесный сон, что приснился ему.

Я и он... я и он! Кто такое придумал? Не я, не я, да и верно не он. Он сам по себе и я сам по себе, никто не отвечает друг за друга! А ведь спросят, рано или поздно всё одно спросят. Кто? Подозреваю, тот, кто это и придумал. Эх-хе-хе... Как всё будет – не ведаю. Он, думаю, тоже; но что-то будет... или не будет? Знаю пока одно: он не я, он не я, он – не я. Только, куда не кинь – всюду свин. Вот уж действительно, о́ригíтельно! Я не он, я не он, я – не он. Вечно стонет, ничего толком не знает, не помнит, сомневается. Вот, например, сон. “Что я видел во сне? Не знаю, не помню, – мямлит он”. Не знаю, не помню... Бездельник и лентяй, вечно во всем сомневающийся слизняк. Сон! сон... Надо признать, сон был очень необычный, яркий, пугающий и невероятно притягательный. Такое не забудешь! Попробую его описать. Деталей стоит избегать. Да их и нет во снах. Картинка яркая, отчетливая и таинственная. Совершенно не понятно, что и откуда берется, и куда затем исчезает. Всё необычно... Ладно, хватит, пора приниматься за дело. Вот синопсис:

Что-то рожало. Не ясно что, но размеры места исхода были чудовищными. Объемистая утроба трудилась что было силы тужась-напружась, и вот стало у́же (ну же ну же), и – дальше толкая по темно-влажному туннелю извергагалища, а потом вдруг стало свободнее, и раздвинулись своды... Нет, не своды (сейчас будет грубо), раскры-

лись губы, как занавес на сцене: всё шире и шире, сначала малые, а уже они раздвинули и большие. Можно смело утверждать, что разверзлись ложесна. За всем этим действием наблюдал приبلудившийся неизвестно откуда тигр с невероятно округлившимися глазами от всего того зрелища. Утвердилось мнение, что округлились они от удивления. О-о-о, и вправду здесь было отчего округляться, и было чему удивляться! Из пещерopodobного входа в огромное лоно (кому-то вход а кому-то выход), один за другим, выбежали львята. Их было трое. Разбежались, пропали. Только конец этим родам ещё был не близок. Ой, как не близок. Следом за львятами «оттуда» стали появляться иные... Не сказать, чтобы стаяей; не сказать, чтобы стадом; не сказать, чтобы роем, всех появлялось по трое: волчата, ягнята, собаки очень странной породы, буйволы, бегемоты, жирафы с опущенными шеями... Получалось, что не исторгались они в конвульсиях, и ничто не сокращалось, не тужилось, не содрогалось, но исход этот происходил немного даже торжественно (не доставало только какого-нибудь браваурного марша); все твари шествовали, не задевая головами (и жирафы даже жирафы), края выводившей их плоти. Но продолжим прерванный список: проползла тройка вертких ужей, за ними следовало появление трех крупных ежей (друг за другом как говорится след в след мордочками вперед), за ними выбежали трое гепардов, и немедленно разбежались резво по трём свободным сторонам света (четвертая бы-

ла стороной исхода). Да, важно: слонов там не было! Ни индийских, ни африканских, ни белых, ни черных, ни серых, ни бурых – никаких. А в завершение, из этого вместительного лона, и раздвинутых (подобно занавесу на сцене) краев входа-исхода, громкохлопая крыльями, вылетела пестрая стайка длинноклювых птиц. Всё, истории конец, то есть сна. Хана!

Разве не интересно, разве не любопытно, разве такое можно забыть? Скажу больше: очень многое, чему становлюсь свидетелем, волнует, восхищает меня, он же остается, ко всем этим чудесам, безучастен, слеп и глух. Да и считает ли он всё это чудесами? Сомневаюсь, сомневаюсь... Как такое может быть? Мы видим одно, слышим одно, думаю, и чувствуем одинаково. Думаю, во всём виноват он сам. Ладно, пускай прозябает в своей неверии, погружается в пучину лени, мне до этого нет никакого дела. Мне нужно трудиться.

Я пишу. Может быть, мне это кажется? Иногда воображение может сыграть с вами довольно злую шутку. Впрочем, кто сможет убедить меня в обратном? Итак: я пишу! Заполняю белые, холодные (точно вылепленные из снега) листы на бездонно-темной, глянцевой глади стола. Записи мои никто не уносит. Они исчезают в ящиках этого самого стола. Больше я их никогда не вижу. Чей-то глупый розыгрыш? Не думаю. Здесь никого нет кроме меня, вернее – не бывает. Нет. Вспомнил. Бывает! Кажется, они приходят, чтобы дать еды, потом моют тарелки, чашки – всё перепачканное пищей, но в

комнату не заходят. Они? Выходит их несколько? Не уверен. Пускай будет двое. Кажется, это немного странно. Ничего, бывают и куда более удивительные вещи. Итак: они приходят вдвоем, затем готовят еду, затем подают свои сигналы: стучат оттуда, с другой стороны двери, сладко зовут по имени, распевно говорят, что еда готова. Потом сладкоголосо выпевают ещё раз: еда в тарелке, и затем ещё: она остывает. Делая вид, что я не слышал их зова, выхожу-иду-ем. Я не смотрю на них. Рот их прикрыт, зато глаза широко открыты. Знаю: они смотрят на меня, внимательно смотрят, не издавая ни единого звука. Будто бы их вовсе нет. Но я-то знаю, что это не так. Они здесь. Их двое. Думаю, обе женщины. Они смотрят и молчат. Возможно, чего-то ждут. Не знаю чего. Одна как будто старше. Откуда я это взял? Не знаю, впрочем, я не уверен. Другая, исходя из логики построения фразы... К чертям всякие логические построения! Разве они могут помочь? Однако, несмотря на несомненную правомерность чувства, вызвавшего этот гневный всплеск, та, другая, должна быть моложе. Впрочем, это не обязательно. Откуда мне знать? Ведь я не смотрю на них. Я и не знаю.

Они смотрят. Я – нет. Ем-жую-пью-глотаю -и рот утираю. Что-то в этом есть напоминающее о давно прошедших временах. О давно прошедших временах? Возможно, воображение опять забавляется, подсовывая мне фальшивые отпечатки памяти, в которых отсутствуют некоторые атрибуты: детский стульчик, слюнявчик на шее, сопли из носа или раз-

мазанная вокруг рта пища. Отчего и тому и другому не присутствовать на лице одновременно? Может быть, всё так и было, только вот ложку тогда мне, скорее всего, не доверяли. Выходит, теперь доверия стало больше или это очередная уловка? Наверное, стоит обдумать... Не теперь, не теперь. Теперь пора работать. Работе время, обеду – час. Многовато! Полчаса? На всё, про всё двадцать две минуты (с передышкой). Отличный результат: тридцать восемь минут прибавим к рабочему времени – неплохо, неплохо. Они смотрят. Я – нет. Нельзя дать им понять, что я догадываюсь об их присутствии. Ухожу, никуда не торопясь, в движениях не суетясь. Они ничего не говорят, молча провожают меня взглядом. Иногда я слышу, как они начинают шушукаться. Или мне это только кажется? Разве они не могут шушукаться? Отчего, могут, но только всегда дожидаются момента, пока плотно не закрываю за собой дверь. Дверь в мою комнату.

Здесь – тишина. Слишком громко сказано. Что я несу? Никогда не слышал тишину в её классическом виде. Всегда, всегда что-то скребется, урчит, постукивает, капает, катается, льется, клаксонит, хлюпает, звенит, цокает, хлопает, тикает, пиликает, гремит, кричит, ревет... Был один – всё хотел выяснить: как ТАМ обстоят дела с тишиной. Понимаете? Оказалось, едва ли не хуже, чем здесь. Вот так-то! Тамошние жители такие бесцеремонные, а эти, можно сказать, ещё прилично ведут себя. Почти не мешают. Уходят беззвучно, приходят тоже. Приходят вдвоем. Бывают ли они здесь по-

рознь? Возможно, возможно, но я в этом сильно сомневаюсь. Всегда вдвоем, точно два небезызвестных близнеца-грека... Наверное, лучше будет сравнить их с сиамскими близнецами: эти уж точно никогда не разлучаются друг с другом. Даже когда не спеша входят в моё жилище. Разве у них есть ключ от входной двери? Ещё бы не было... Но зачем, зачем он им? Как там, в старинных готических романах: влываю́т с дуновением ветра, через замочную скважину, выдавливаются из глади стен, спускаются вниз с потолков? Какая жуткая, дремучая чушь! Только, тогда вопрос: откуда они взялись? Ведь я знаю, что они здесь, пускай не подаю вида, но – знаю, знаю... Кто им вручил ключ, неужели я? Не помню, не помню, но если не я, тогда кто? Станный, глупый, никчемный вопрос. Я не могу долго задумываться над вопросами, которые, в общем-то, не особо волнуют меня, ибо время их миновало (я о вопросах разумеется). Итак, они здесь, они приходят, когда захотят. Возможно, никаких ключей у них нет. Как они попадают сюда – я не знаю. Мне это не важно. Многие, слишком многие появляются непонятно откуда, исчезая неясно куда. Некоторые остаются. Зачем – пойму позже. Вот и эти двое... Кто они – не знаю. Для чего приходят – тоже, по крайней мере, пока. Задача их невероятно проста: снабдить меня пищей, не дать – так сказать – «скопыхититься». Кем поставлена столь благородная задача? Не знаю, может быть, мною... Зачем мне есть? Чтобы быть как все, как все. (Наверное мне многое чудится...) Или это их врожденный ин-

стинкт? Откуда они? Не знаю. Мы с ними знакомы? Не припоминаю, только, кажется: они неплохо знают меня. Думаю, здесь таится какой-то подвох. В чем подвох? Не знаю, могу только предположить. Кто они – для меня остается загадкой, неразрешимым ребусом, таинственной головоломкой. Да не очень-то я ломаю над этим голову. Вспомню после, после...

Память моя чудесным образом устроена. Помню все, когда-либо виденное (пускай даже в воображении): предметы, людей, какие-то вещи, но никак не могу нащупать нить, чтобы связать их с собой; определить, наконец: отчего они мне знакомы; понять: что значат они для меня. Думаете, я немного не в своем уме? Но разве я сумасшедший? О, нет, нет, ни сколько. Мне известно назначение всех виденных вещей, предметов, людей (людей конечно в гораздо гораздо меньшей степени), но от меня загадочным образом ускользает понимание их связи со мной, их зависимость от меня. Так же не могу я понять и свою зависимость от них. Напрашивается вопрос: есть ли она, эта зависимость? О, вот тут я не могу утверждать однозначно. Иногда кажется: да-да, конечно, разумеется, непременно есть; однако, вскоре, уже начинает мниться, что нет её... да и не было никогда. Или, всё же, была?

Вот ручка, которой сейчас пишу – отличный пример. Я, разумеется, понимаю: ручка нужна, чтобы писать. А ведь ещё можно её заострённым, наподобие иглы, кончиком нажимать на “утопленные” в поверхность – все равно какую

– кнопочки, до которых не добраться ни пальцем, ни отросшим ногтем, ни даже углом линейки. Только надо не замарать эти кнопочки чернилами! Можно ещё корябать кончиком этим в неглубоких выемках, выколупывая оттуда что угодно: от комочка грязи, до... да мало ли чего «до». Но ещё более функционален обратный, удлинённый, удобно закруглённый, достаточно узкий конец этой самой ручки. Им можно постукивать по столу, ладони, лбу, ковырять в ухе, почесывать затылок, шею и верхушку головы, обдумывая мысль; им можно нажимать клавиши на компьютере, но я уже так не делаю (потому как давно не пользуюсь компьютером); этим упомянутым обратным концом ручки, можно делать глубокие узкие ямки в горшке с цветком; им можно зондировать всевозможные отверстия, в которые сможет войти этот узкий, удлинённый, удобный конец. Ведь маленькие дети исследуют этот мир именно эмпирическим путем, а чем я хуже? Я тоже хочу исследовать мир... Думаете, начинаю валять дурака, придумывать разную чепуху? Тогда признаюсь: подобным образом я уже поступал (само собой в качестве эксперимента). Но не более одного раза. Может двух...

Всё это, разумеется, понятно, используется и хорошо, но вот откуда взялась эта ручка, почему она оказалась у меня, и как долго она здесь пробудет – неразрешимая, неразрешимая загадка. Так ли она неразрешима? Не знаю, не знаю. Пока эти вопросы заводят меня в тупик. Может кому-то они покажутся смехотворными, пустыми, но только не для меня.

Не скажу, будто вопросы эти тревожат постоянно. Это было бы неправда. Но, когда они приходят, тотчас овладевают моим разумом на какое-то время, мучат, ослепляют мой мозг своим сиянием, а потом – как ни в чем не бывало – уходят, пропадают, оставляя меня в недоумении, без ответа, без всякого намека на ответ, ожидать их нового, и нового, и нового, и нового, и ново... возвращения. Ни дать, ни взять – приливы и отливы. Только где их луна?

А ещё, иногда, мне приходит в голову мысль: если эти – мучающие меня, время от времени – вопросы наваливаются прямо вот здесь, то через некоторое время, за счет округлости земли, сила инерции должна отнести их куда-то туда, где сейчас плещутся ответы на них. Соответственно, волна, состоящая из всех этих вопросов, выдавит волну, состоящую из ответов на них, и она помчится сюда, ко мне, плавно огибая округлости земли (сколько их там существует), торопясь донестись до этого вот сознания, заключенного в этот вот мозг. Может, всё так и происходит: ответы добираются до меня, но я к тому времени отвлекаюсь на какие-то безделицы, и они напрасно плещут, стучат о мою голову, занятую в этот момент какой-нибудь ерундой. А потом (к поздней ночи или рассветному утру, или к восхитительному восходу) их относит та, обратная волна вопросов, которая поспевает к тому времени, и этот вот мозг вновь и вновь подвергается мощному давлению накатывающих, напирających вопросительных волн...

Ладно, пока упомянутые измышления, вновь нахлынувшие под явным влиянием невидимых, мощных полей непознанной планеты, не завели меня в тупик, совершу маневр отступления на исходные позиции. Туда, где я пишу и управляю записи в ящик стола, в котором они исчезают.

Важно знать два момента:

а) записи никто не забирает.

Куда же они деваются?

– Злоумышленник (или их несколько?) действуют весьма и весьма осмотрительно и осторожно. Очевидный факт!

б) они исчезают безвозвратно.

Вопрос тот же.

– Злоумышленники (или он один?) не найдены, но улики – косвенные, ненадежные, пустые – присутствуют. По крайней мере, мне так кажется, но я не сыщик, и мнение моё может быть ошибочно, и (что ещё хуже) предвзято.

Итак, будем стараться действовать по порядку. Порядок, безусловно, важен: без него нет метода, а без метода трудно рассчитывать на успех, ибо неминуемо попадем в хаос всевозможных случайностей, которыми кишит поток времени. Этим случайностям, мельчайностям и пустяшностям ничего не стоит запутать несведущего, увести в сторону, даже пустить по ложной дорожке, ведущей, так сказать, в никуда. Да и упомянутое выше время, несомненно, может сбить с толку, отвлечь от пути, ведущего к разгадке, но об этом позже, позже, в свой час, если хватит времени. Именно такие – как

покажется многим – безобиднейшие каламбуры, и есть настоящие ловушки. Стоит только призадуматься, погрузиться в их бессмысленный, якобы, смысл, и – пропал, совсем пропал. Думаете: шучу-потешаюсь, от безделья маюсь? Как бы не так! Вот некто утверждал: всё, что скажет следующий, будет ложным. Следующий ответил: сказанное прежним – истинно. Каково? Или ещё: всякое море мокро, стало быть, всё, что ни мокро не может быть морем. А вот так: один врун сказал: все вруны врут. Не видно подвоха? Кажется, вполне справедливо и ничего не выдуманно об этих злых и ленивых утробах? Стоп! Не станем забираться в инвенционные дебри философии и риторики, дабы не увязнуть в их зыбкой трясине. Прочь, прочь. Дальше, дальше, дальше...

Исходя из п.1 описания действий предполагаемых злоумышленника(ов), следует: пропавшее никто не забирал! Возникает недоумение, но, продолжая дотошно разбирать этот пункт, зададимся вопросом: а возможно чему-либо пропасть, если никто это не забирал? Ответ “да” приемлем, к сожалению, в 50% случаев, в остальных 50% ответ будет “нет”. Непременно нужно добавить: такие приблизительные данные уместны в разборе отвлеченного примера; в каждом конкретном происшествии процентные соотношения могут изменяться, укрупняя (или уменьшая) цифры с правой, и, соответственно, уменьшая (или укрупняя) цифры с левой стороны от разделяющей их наклонной черты, либо обычного предлога «против». Единственным ограничением во взве-

шивании вероятностей, является то, что ни правая, ни левая стороны допустимостей не могут принять значение ни «100», ни «0». Стремиться, конечно же, могут, но достигнуть – нет.

В моем случае, я бы так выставил эту шкалу: 0,1% («да») против 99,9% («нет»). И я вправе настаивать на подобном соотношении вероятности, потому как неоднократно подвергал тщательному осмотру три из четырех ящиков стола (три сбоку: один над другим, и один широкий, под столешницей, который я не могу открыть уже долгие годы), мало того – всю комнату, где стоит мой непростой стол.

Эта комната вполне обычна: длина её составляет десять локтей, ширина её составляет шесть локтей, высота её составляет пять локтей; пол её из лакированного дерева, стены её и потолок её выкрашены в белый цвет. В комнате, кроме стола, находятся: 2 стула, 1 табурет, 1 диван, с продавленной средней частью, 1 стеллаж, на полках которого, помимо книг, компьютерного монитора и объемного телевизора (которые я не включаю) – разное домашнее барахло. Только записей моих там нет! Я возобновлял поиски неоднократно, всякий раз, когда отправлял в ящик стола (верхний или средний – не помню) очередную стопку исписанных листков, но обнаруживал (вновь и вновь) пропажу предыдущей партии записей. Никаких удовлетворительных результатов поиски мои никогда не приносили. Все усилия мои в этом направлении были тщетны.

Скажу по секрету: записи не просто пропадают – их тибрят, умыкают наглým образом, прямо у меня из-под носа. Надо признать: злодейство творится филигранно, нагло и дерзко. Я не догадываюсь, как совершается гнусное воровство. Оба ящика пусты! Ну, надо признать, не совсем пусты – какая-то дребедень все же в них есть, но только нет записей, которые я доверчиво вложил прежде. Записей моих нет, но я, с упрямством осла, продолжаю опускать в один из них – средний или верхний (нижний забит всякой мелочью, всякой ерундой, которая никуда не исчезает) – очередную стопку исписанных листков. Там они неизменно и безвозвратно пропадают. Я замечаю их исчезновение лишь когда, через определенное время, выдвигаю один за другим оба ящика, чтобы вложить туда новые записи, но старых там не нахожу.

Итак, мы, тихой сапой, добрались к п.2 описания действий таинственных злоумышленников. Не хочу опускаться до единственного числа, однако, некий голос шепчет мне: этого исключать ни в коем случае нельзя. Ну, ладно, ладно... Только тут никаких иных вероятностей нет и быть не может! Важно то, что записей нет. Никто их, пока, не возвратил мне, думаю, и не собирается этого делать. Ворье не найдено. Следствие, если кто-либо его и ведёт, должно находиться в самой активной стадии. Мне об этом ничего, ни-че-го не известно.

Из протокола опроса пострадавшей стороны,

от действий неустановленного (-ных) лица (лиц):

Следователь (ФИО): Будет ли верным утверждать, что предполагаемых похитителей несколько? Судя по всему двое...

Пострадавший (ФИО): Намек на тех, кто приходит меня кормить?

Следователь: Круг подозреваемых должен быть очерчен.

Пострадавший: Но им-то зачем?

Следователь: Мотив не ясен, но алиби у них нет, если они присутствовали

на месте преступления.

Пострадавший: Я, кажется, говорил: в комнату мою они не заходят. Стучаться –

зовут – приглашают к пище – ждут меня на кухне.

Следователь: Но вы говорили, что не смотрите на них во время еды. Кажется,

22 минуты?! Этого времени хватит, чтобы один из подозреваемых мог

совершить кражу, а второй – отвлекал ваше внимание активным присутствием.

Версия выглядит вполне правдоподобно.

Пострадавший: Я тоже думал об этом...

Следователь: Вот видите, значит, наши мысли идут в одном направлении.

Хорошо!

Пострадавший: Да, я думал об этом, и стал запира́ть две-
ри на замок – всякий
раз, когда покидал комнату. Даже, когда иду посс..., из-
вините, в туалет.

Даже, когда нахожусь один в квартире.

Следователь: Ровным счетом ничего не значит. Где нахо-
дится ключ?

Понимаете, 22 минуты... 22 минуты!

Пострадавший: Ключ всегда при мне. Вот он – прилажен
к тесемке на шее; не
снимаю даже ночью. Не запираю комнату, только когда
сам нахожусь в ней.

Следователь: Так, ладно, будем думать дальше. Жаль, а
версия была неплохая,

очень неплохая, и раскрыли бы быстро. Ладно, вы свобод-
ны, мы вызовем
вас, когда появится нечто определенное, прояснится
нечто туманное, когда мы

будем обладать неопровержимыми доказательствами...

Следователь (ФИО): _____ /
_____ /

Пострадавший (ФИО): _____ /
_____ /

Ага, вызовут! Сами-то существуют только в моей голове
– плодами, нет, скорее отпечатками воображения, тенями

фантазии... Я и заявление куда следует (о многочисленных не прекращающихся кражах) не подавал. Стало быть, следствия по данному делу не ведется, ибо оно не может существовать, ведь дела по факту исчезновения бумаг тоже нет. Дааа, эти ребята не сдвинутся с места без бумажки, впрочем, и с бумажкой они не очень-то расторопны. Попробуем управиться без всяческих логических последовательностей и хитроумных методов. Тем более, сдается мне, со всей этой дедукцией только намаешься, а толку не выудишь никакого!

Испробовал множество различных способов вложения записей в один из двух злополучных ящиков. Сначала помещал их в средний ящик (кажется средний), делая метку на его лицевой стороне. После того, как обнаруживалось исчезновение записей (метка никуда не исчезала), следующую стопочку исписанных листков помещал в верхний ящик, и теперь ставил метку на нем. Записи все так же бесследно исчезали, метка – нет. Стиснув зубы, подавив в себе клокочущее пламя справедливого гнева, следующие подготовленные листки помещал опять в средний ящик, проставляя на нем новую метку. Всё повторялось вновь и вновь и вновь, и когда меток на лицевых стенках выдвигаемых ящиков стало так много, что, продолжай я упорствовать в этой бессмысленной затее, места для них – весьма скоро – уже нельзя было бы отыскать, тогда бросил отмечать последовательность ящиков, но не прекратил помещать в них записи. С тех пор поочередно выдвигал оба ящика стола, все так же обнаруживи-

вая в них пустоту. Следует, правды ради, сказать:

а) и раньше выдвигал их поочередно, не обнаруживая внутри ничего, от предыдущих вложений;

б) и позднее соблюдал определенную очередность при выдвигании верхнего и среднего ящика (всё так же не находя в них ровным счетом ничего);

в) и когда (поправ порядок которого требовала проставленная отметина) начинал отпирать с ящика, где ничего и не должно было находиться, ни в этом, ни в другом ящике не находил записей;

г) и потом, когда забросив попытки упорядоченно вести поиски, совершенно сумбурно открывал ящики, записей там, по-прежнему, не оказывалось.

Но в тот первоначальный период, я был крайне организован в поисках и первым выдвигал ящик, на котором обнаруживал последнюю, по времени, метку. Помечался ящик особым способом, который вряд ли кому-то интересен. Разыскиваемое в нем, разумеется, не обнаруживалось, и тогда я немедленно приступал ко второй, такой же пустой, попытке.

Вот этот способ:

Укладываю записи. Задвигаю ящик. На его лицевой стороне делаю вертикальный штрих размером около 2 см. Когда наступает время вложить новые записи, выдвигаю ящик со штрихом (разумеется там пусто); задвигаю ящик, поверх штриха провожу перекладину, образующую букву "Т"; выдвигаю следующий ящик (и там, конечно же, пусто); кла-

ду туда новые записи, задвигаю ящик; делаю на его лицевой стороне вертикальный штрих размером около 2 см. Всё... Говорил же: любопытного будет мало.

Как уже сказал, довольно скоро (на девятом или десятом а может одиннадцатом или двенадцатом вложении впрочем оно могло быть и тринадцатым) перестало иметь значение: с какого ящика начинать проверку, и тогда перестал марать пометками лицевые планки обоих выдвижных ящиков. Вот ведь недотепа! Судя по отметкам на ящиках, перестал делать их на семнадцатом вложении, вернувшись к тому, с чего и начал этот неудачный эксперимент: среднему ящику.

Затем, пробовал помещать записи, перед тем, как отдать их на произвол стола, в различные папки, пакеты, мешочки; перевязывал их, защелкивал на кнопки, даже прошивал суровой нитью. Думаете, результат был иным? Вы правы: листки исчезали, всё остальное – нет. Веревки, кнопки и суровая нить не были повреждены. Тогда решил поместить туда абсолютно чистые листы. Операция по внедрению дезинформации провалилась с треском: пустые листы отыскал там, где их и оставил. Уже начал думать о происходящих в столе чудесах, но признаться, не пришел по этому поводу к какому-либо определенному мнению, ибо в этой области не стоит торопиться, принимать скоропалительные решения. Ведь всё (истинно говорю всё!) может обернуться самым непредсказуемым образом. Возможно, кому-то было бы проще думать о происходящем, как о чуде: то бишь о том, чего не

должно быть, но оно – вот, совершается здесь, прямо перед глазами! Да, жить так было бы и веселее и проще, и не нужно задумываться о том, куда же пропадают листочки с историями, которые непрестанно придумываю, обдумываю и записываю, записываю и помещаю (вновь и вновь) в этот загадочный стол. Или не стоит ломать голову над тем, что с нами происходит, и каким загадочным образом они пропадают прямо из-под носа? Да, наверное, с чудом жить проще... Чудо на то и чудо – мы не в силах постичь его природу, а если невозможно постичь природу чего-либо, то и голову над этим трудить не стоит. Чудо – есть чудо, и нечего об этом чесать языком!

Только, отчего-то кажется: в моем случае чудом даже не пахнет. Но так просто не сдамся. Успокаиваться не стану. Записи эти (и те) не исчезают сами по себе, или в результате действия какого-то неведомого, таинственного заклинания, пускай заклинание и звучит магически-волшебнo-чудесно... Да начхать! Мало того, скажу вам: если и было когда-то произнесено, или (что пожалуй вернее) продолжает произноситься подобное заклинание, значит: тот, кто его произносит и есть вор. И никакого чуда здесь нет, а даже если и есть, оно отступает на второй, на третий план... а на первый проступает криминально-воровская сущность сего презагадочного явления. Нет – действия!

Отвлекся на несколько дней от своих записей, но туда, в стол, их не погружал, ибо они далеко ещё не закончены

и требуют тщательной работы. Не выступил, пока, на арену действий герой, да, впрочем, и других участников описываемых событий (кроме тех двух теней из кухни) не видать. Фабула едва намечена, кульминация повествования толком не продумана, не определена, развязка, смутно мелькая в воображении, туманна (не стоит пока и судачить о ней). С какой стороны ни посмотри, резона отправлять тощенькую стопку бумаги туда, откуда она, несомненно, никогда не будет больше извлечена, нет. Именно по той причине, что немедленно канет история эта в воды забвения (не успев ещё полностью вылупиться на свет и как следует опериться), нет, в ящик стола не засунул её, как поступал, едва лишь ставил последнюю точку в новом повествовании, ощущая внутри пустоту, точно меня кто-то вывернув, обрезал бы лишнее с изнанки, и возвратил всё, без лишней деликатности, на прежнее место. Нет, не отправил этот десяток исписанных страниц в бездонный ящик стола...

(Зачем в третий раз говорю об этом Не знаю не знаю не знаю Как будто сбился с пути и теперь хожу вокруг одного и того же места одного и того же места Какого ещё места Наверное того самого где стоит стол внутри которого пропадают мои записи которые я доверяю одному из трех выдвижных ящичков На самом деле всего лишь двум Третий ящик не в счет Я в этом почти уверен но сомнения всё равно остаются Тут я бессилён что-либо сделать Отчего Что если эти сомнения кто-то подбрасывает мне Что если кто-то желает пу-

стить меня в ложном направлении Что если меня пытаются сбить с толку Кто Да откуда мне знать Никаких следов постороннего присутствия или деятельности не оставляют после себя эти мерзкие гадкие вороватые невидимки Они думают что я не догадываюсь Они считают меня дурачиной просто-филей растяпой фетюком валенком тютей Возможно именно эти незримые негодяи желают спутать мысли мои напустить непроглядный туман увлечь в мрачные дебри в которых не разглядеть ни дороги ни тропинки запутанные дебри в которых не разглядеть верного пути совершенно не знакомые мне дебри в которых запросто можно заплутать Или они хотят заморочив меня вконец увлечь в пустыню Лучше б в пустыню Почему в пустыню Пустыня мне нравится больше чем какие-то сумрачные жуткие дебри В дебрях этих запутанно лживо обманно сам черт сломит в них свою копытистую ногу Пустыня правдива там все как на ладони там не спрячешься впрочем при определенном умении и навыках наверное можно но речь не о том не о том Вот опять тихонько-легонько кто-то уводит в сторону подменяет мои мысли своими Якобы схожими почти схожими только чуть-чуть совсем немного изменяет их уводит туда куда ему выгодно куда ему не мне необходимо Кто этот злоумышленник Не знаю не знаю Может их несколько Да я ни сном ни духом ни умом ни нюхом Но но так запросто не удастся одолеть меня)

Все эти несколько дней лежали листы на столе, внутри серой картонной папки, завязывающейся справа на тесем-

ки (серые замызганные тесемочки с бахромистыми краями). Нет-нет, папка была другого цвета. Скорее коричневатого (не серого нет!). Скорее – бледно-коричневатого. Скорее – бледно-коричневатого с захватанными, засаленными местами, там, где часто касались её пальцы... Чьи? Надеюсь – мои. Туда, в эту папку, всегда укладываю незаконченные истории. Очень может быть: значение только что рассказанного ничтожно, но хотелось об этом поведать, потому как – хочу признаться – мне довольно симпатична эта скромненькая папочка со следами пальцев на ней.

Еще вот о чём хочу сообщить: питаю особенную слабость к скобкам. Обычным округлым скобкам. Само разнообразие скобок: прямые, косые, круглые, квадратные, фигурные, угловые, парные, – несомненно говорит об их важности, об их значимости, и широте их использования. Вот с запятыми дело обстоит не так. С запятыми, зачастую, не всегда бываешь в ладах – маленькие, юркие, они так и норовят встрять там, где не следует, где им не место, или же, напротив, соскользнуть оттуда, где им надлежит находиться. Проставление запятых вызывает в памяти детские шалости: выковыривание пальцем из носа; за ним – округлое движение или короткий штришок пальцем этим по скрытой поверхности стола или стула; либо по днищу дивана или шкафа (стараясь подсунуть палец как можно дальше); либо по торцевой части дверей – той, что ближе к дверному косяку – устремляя палец как можно ниже; по гладким и шершавым стволам деревьев; по

разным заборам и оградкам; по оштукатуренным или выкрашенным стенам домов и подъездов; да повсюду, где есть возможность, где дозволяют приличия. Запятые не вызывают у меня уважения...

Другое дело – скобки. Эти простые парные знаки используются, как мне кажется, с целью напитать извлеченную из области мыслей скудную фразу смыслами, которые теснились в голове, прежде чем фраза эта была явлена на свет, или в тот момент, когда она извлекалась, а, возможно, и позже, когда была она уже извлечена... В пространстве между округлыми двумя половинками, напоминающими чаши, и отпечатывается то важное, то скрытое, то, что творилось там, в черепной коробке, которую схематично обозначают эти знаки (и там нет никаких иных знаков ни запятых ни двоеточий ни всякого рода тире дефисов кавычек и прочей пунктуационной шелухи ну там можно ещё кое-как смириться с присутствием вопросов и восклицаний да ещё и многозначительных многоточий); заключенная в них мысль заполняет напоминающую голову округлость, точно бесконечное пространство вселенной – их прообраз. Левая часть остается на месте, другая постепенно относится, просочившейся внутрь мыслью, вправо, но, вполне вероятно, округлая левая часть так же не остается на месте (как я совершенно поспешно предположил чуть выше), а, под воздействием беспокойной, шустрой, незримо её наполняющей мысли, едва заметно движется в противоположную сторону от зеркально-округ-

лого своего двойника. Но нельзя исключить и того, что они вдвоем равноудалены друг от друга, и движение их может быть прерывисто-импульсивным; или же они удаляются друг от друга скачками: сначала одна – скачок от другой, за ней вторая – прыг в противоположную сторону от первой, следом за ней и первая – прыг-скачок ещё дальше; а может очередность их удаления происходит по более замысловатому алгоритму, по ещё более загадочной последовательности? К сожалению, мне не известны какие-либо подробности, впрочем, думаю, вряд ли кто может похвастать компетенцией в подобных вопросах. В таких таинственных областях, темных и совершенно неисследованных, все может быть, все может быть. Мне не ведомо этого, этого не ведомо мне. !ывУУвы!

Время продолжить повествование. Неспешное, часто прерывистое, изредка нервно пульсирующее, но, все же, большей частью неспешное. Только, признаться, не понимаю: откуда, среди неспешно-спокойного рассказа, появляются крайне спорные утверждения, неглубокие мысли и сомнительные доводы? Что-то идет не так, как я того хотел, как я намеревался всё это представить! Кто-то тайно вставляет в нежную мякоть моего повествования свои грубые чужеродные мысли (возможно именно для этого и похищаются мои записи), или мне это только мнится? Туман мистификации, сумерки обмана, морок мрака... Ну что ж, посмотрим-посмотрим... История, пока, не обрела завершенности, однако хочу заверить: фабула тщательно продумана (не скажу

до мелочей ибо излишне!); никаких бестолковых кульминаций и банальных развязок в истории моей не предусмотрено замыслом; так же, совершенно неуместно предположение о скором появлении главного героя, либо иных персонажей. Лично мне об этом ничего не известно! И что за вульгарная фраза: «арена описываемых действий»? Категорически заявляю: это не мои мысли, не мои доводы, не мои аргументы... Выводы, следующие из них – не отрицаю – принадлежат мне, но откуда берутся все эти порочащие меня измышления, которые вкрались совершенно загадочным, необъяснимым образом? Наконец, чьи они? Да почему я знаю! О, ужас! Похоже, помимо воровства, здесь происходят попытки фальсификации, подтасовки и, даже, подмены смыслов; да что там смыслы! чужие мысли ловко выдаются за мои собственные. Случались ли подобные злодеяния прежде? Не знаю, не знаю... А ведь я, если припомните, сразу говорил о шайке злоумышленников. Они пытаются сбить меня с толку, пытаются посеять сомнения, пытаются пустить по ложному следу – тихо нашептывая сменить окончание, избобличающее преступный клубок – в иное, пусть и заключенное в скобки вероятности, но, все же, дающее им шанс скрыть свою многоликую сущность, предстать в единственном лице никчемного воришки записей из стола.

Не исключено существование тайного преступного сообщества, замыслившего виртуозную аферу. Кто знает, может их там дюжина, целый преступный клан! Цели их глубоко

скрыты и неизвестны, однако теперь я ничему не удивлюсь, впрочем, отныне буду начеку, настороже и стану ожидать подвохов с разных, возможно, даже противоположных, сторон. Пожалуй, это единственно-правильное решение в свете слегка ещё только приоткрытых (исключительно благодаря слепой случайности) коварных планов. Не нужно спешить, торопиться, делать поспешные выводы, суетливые умозаключения... Выдержка, терпение, и, конечно, удача – вот триумвират, который поможет мне одолеть этот тайный заговор. Их целая шайка, я – один; они невидимы, изошрены в преступлениях и лукавы, но я обладаю твердой волей; они пытаются опорочить тех двоих, называя их “теньями из кухни”, стало быть, надо взять их к себе в союзники. Злодеи пытаются даже мысли мои извратить, посмеяться надо мной, значит, надо не дать им сделать этого. Но они проворны, хитры, их не просто поймать... Пока всё, что я знаю – исчезновение записей из ящичков стола. Остальные их преступные деяния, замыслы, планы слишком тщательно засекречены, укрыты от посторонних взоров. Улики косвенны, незначительны, пустяжны. Пока что я умолчу о них, ибо они могут бросить тень на твердость моего рассудка. Не стану торопиться, спешить, чтобы не уловить себя в их хитросплетённые, расставленные повсюду, сети. Буду шаг за шагом расплетать искусную их паутину.

Итак, приступая к дальнейшему повествованию, я вынул из старой папки исписанные листы, мудронедоверенные сто-

лу, положил их перед собой, внимательно прочел два-три последних листа. Задумавшись немного (совсем немного), глядя в глубины лаково-темной поверхности стола, будто в загадочную сердцевину магического шара, в котором можно увидеть всё-всё, что только пожелаешь (пускай не сразу пускай пока только гадательно как бы сквозь тусклое стекло), я продолжаю историю.

Как уже сообщал ранее, в столе было три выдвижных ящика. Они были сделаны из светлой фанеры. Они были когда-то сделаны из светлой фанеры, но теперь время и различные события нанесли на светлую – с легким оттенком желтизны – фанеру, слои трещинок, царапин, надписей, вмятин, щербин, сколотых краев, надрезов и бороздок, а ещё столбики пометок и дат, нанесенных на лицевую сторону верхнего и среднего ящиков. Нижний ящик благополучно избежал всевозможных пометок и дат, но не остального! Вообще-то, был и четвертый выдвижной ящик. Он находился прямо под столешницей. Не помню, чтобы когда-нибудь открывал его. Ящик этот был заперт на ключ, повернутый в замке, не помню уже сколько раз. Судя по замку – не больше двух. Местонахождения ключа я не знаю, а может быть и знаю, но не помню, а может быть и помню, но не знаю о том, что помню. О чем я должен помнить? Ах, да...

Широкий, просторный ящик с лаково-благородной темно-коричневой передней стенкой, на которую временем была наброшена мелкая сеть трещинок, был исключен из игры,

которой я тешился с остальными тремя ящиками. Насколько помню, он никогда не участвовал в этой потехе. Увлекательную игру я назвал: «выдвинь-и-вдвинь». Обычно она протекала вяло, без азарта, без усердия именно с моей стороны, а не со стороны ящиков, готовых (со своей стороны) к самым активным действиям; но им отведена была крайне пассивная, зависимая роль, вопреки тому, что они всегда были готовы к весьма активным действиям. Пускай податливо, пускай услужливо, даже с легким поскрипыванием от удовольствия, которое ящики испытывали от развлечения, придуманного, к сожалению, не ими. Итак, я уже сказал: обычно упомянутая забава протекала вяло, без «огонька», но в определенные дни увлекательное развлечение достигало особого накала экспрессии. Это были именно те дни, в которые я (в очередной раз) обнаруживал пропажу своих записей. Тогда, для верхнего и среднего ящика стола наступала великолепная пора, звездный час, апогей незамысловатой затеи, когда могло совершиться до двадцати! выдвигений и возвращений обратно двух ящиков. Рондо в исполнении маленького оркестра, состоящего из (начинаем внимательно загибать пальцы): меня (один), стола (ещё один), хиленькой пачки листков (опять один), моих рук (ещё два), ящиков стола (вновь два). Итого семь! Как и тех удивительных, крохотных значков, с помощью которых и возникает любая мелодия. Мои губы шептали какие-то слова (не помню какие); глаза внимательно смотрели внутрь ящиков (обнару-

живая там пустоту); руки, согнутые в локтях, сообщали от плеч движение кистям, а те мягко, но энергично выдвигали и обратновдвигали ящики; ящики с неприкрытым удовольствием поскрипывали. . . Почти не смолкала песня, извлекаемая их деревянными, шуршащими пазами, не утихал магический танец скольжения по деревянным реечкам, удерживающим ящики по бокам, вновь и вновь совершалось страстное соитие передней стенки ящиков с мягкой ладонью правой руки, жаждущей близости с каждым из этих двух ящиков. Нижний ящик никогда не вызывал такого страждущего желанья; за всё время увлекательного развлечения, он бывал тревожим не более двух полных циклов, но чаще обходилось и одним. Совершить неполный цикл игры, то есть произвести «выдвини» без «вдвинь», было неприемлемо. Но, справедливости ради, необходимо сказать: такая интенсивность была возможна не более двух-трех дней, да и то, уже на второй день количество полных циклов у верхнего и среднего ящика падало до десяти циклов в день, а на третий день – не превышала пяти в день. Нижний ящик на протяжении второго и третьего дня имел всего лишь один цикл в день, если, конечно, не требовалось извлечь что-либо из его содержимого, чтобы употребить для действий, не связанных с поисками пропавших записей. Обыкновенно на третий день, ближе к вечеру, вкладывались листки с очередной историей, и тогда оба ящика выбывали из игры до того удаленного временем момента, пока, должным образом подготовленная,

очередная порция листков с новой историей не торопилась пропасть в одном из двух бессовестно прожорливых ящиках. А вот о нижнем ящике никак нельзя было сказать, что он, в этот летаргический период, выбывал из игры. Я им пользовался почти каждый день, а иногда и неоднократно (но вряд ли более трех раз в день), а бывали дни, когда и вовсе не пользовался.

Итак, если бы объявился обожатель сухих цифр, любитель статистики, и, после того, как разузнал он об активности выдвинутых ящиков правой тумбы стола (левой не было это был заурядный письменный стол), и захотел бы ознакомиться с ежемесячным, довольно усредненным, графиком циклов пользования упомянутыми ящиками, этот любопытный исследователь мог бы получить следующие данные:

а) нижний ящик: 30, может быть 40 (не исключая 45!) циклов/месяц;

б) средний и верхний ящики: 30, может быть 40 циклов/месяц на оба ящика (т.е. по 15-20 циклов/месяц на каждый из них). Важно: разумеется, в учет не идут те несколько дней, когда интенсивность вышеупомянутых циклов лихорадочно возрастала!

Так вот, если бы ключ от запертого замка, который избавил от полных (да и неполных) циклов широкий ящик под столешницей, был найден, и «заклятие неподвижностью» с него было бы снято, то, разумеется, часть циклов нижнего ящика перешла бы к широкому, верхнему ящику под сто-

лешницей. Думаю, это могла быть как раз половина циклов, в результате чего была бы достигнута несомненная гармония в использовании всех ящиков письменного стола, которой он в данный момент, совершенно очевидно, не обладал, если, конечно, все мои, к слову сказать, достаточно приближенные и довольно усредненные данные, были верны. Однако, неподвижность верхнего ящика, в силу описанных выше причин, несомненно, можно принять за аксиому, а стало быть, распределения циклов по всем четырем ящикам стола было не равномерно, вне зависимости от правильности или ошибочности иных расчетов. Стало быть, закономерно и то, что никакой речи о гармонии циклов, в движении “туда-сюда” ящиков стола, вестись не может. Если, конечно, мы правильно применяем тут понятие гармонии.

Потуги не стоящие выеденного яйца, неважно с какого конца разбитого?.. проза бытия, банальность, обыденность?.. щегольство, пижонство, выпендрож?.. Вполне может кому-то показаться мелочным, нелюбопытным или же, напротив: заумным, слишком-слишком заумным. Постойте, постойте, не торопитесь с преждевременным мнением, не торопитесь захлопнуть простой рассказ. Ведь книга, если она не раскрыта – мертва! Или нет? и внутри, как блохи в старом забытом диване, копошится вся эта выдуманная братия, со своим выдуманным бытием... Переплетаются одни истории с другими... Спаривается, надеюсь не физически,

кто-то с кем-то, чего нет (уже не повторяю, кричу: НЕТ!) в замысле... Пойди-ка их вразуми!

Закрытая книга, напоминает плоский, скудный мир. Страницы, буквы, слова слипаются, перепутываются намертво, сплющиваются вакуумом... Жизни там нет? Или есть? Такая же плоская, сплющенная, скудная? Обращали внимание на то, как бывает непросто порой открыть книгу! Вот об этом я и пытаюсь сказать... Но едва лишь удастся книгу открыть, и распахнутые страницы (правая и левая или – левая и правая, как говорится: на вкус и цвет...), точно легкие, которым не давали воздуха, начинают жадно впитывать в себя все, что окажется перед ними, или же над ними; начинают жадно впитывать жизнь.

Чувствую: меня время от времени как будто сносит в сторону, и повествование лишено плавности, оно рвется-сно-вавозобновляется-опятьсбивается. Словно в него бестактно вклинивается нечто (а может быть некто?), пытается стать частью нехитрого рассказа, перетягивает одеяло на себя, запутывает и невероятно всё усложняет. Иногда эти вторжения происходят почти незаметно. Даже швы, неровности, выпуклости связующих узелков, не так грубы, не так бросаются в глаза. Подумав, тщательно взвесив все «за» и все «против» решил: пожалуй, не стоит сопротивляться такому вмешательству (по сути дела, я и дозволил его), ведь история любой жизни лоскутна, фрагментарна для постороннего глаза, но каждая жизнь, если вдуматься, всего лишь нить

в ткани, которую непрерывно ткёт, распускает и снова сплетает в свой замысловатый рисунок Творец. Узорный ковер бытия... Насколько хватает моего скудного рассудка понимаю: Он и не собирается заканчивать эту работу – приходится прибегать к средству, которое многие не одобряют: расплести созданный узор и начинать заново кропотливую работу. Кто скажет Ему, что подобное недопустимо?

До сих пор не прибежал в своей истории к обозначению имени, потому как имя не играет значения. Скажу больше: оно вредно, оно лживо. Да-да, лживо, и хочу ещё добавить: любое! Не верите? Припомните, как давали имя вам, или, хотя бы – как вы нарекали кого-то; и то и другое – похоже до ужаса... Производились длительные, мучительные раздумья и, в результате, выбиралось одно единственное из тьмы имён; ещё напоминало это попытку слепить из множества имен словесного снеговика, милого вашему сердцу или уму. Что-то наращивалось, что-то отсекалось, совершались скупые, тщательные поиски в множестве журналов, книг и всевозможных календарей. Оттуда на вас изливался неиссякаемый поток всевозможных имен, раздражая, веселя, удивляя, вызывая недоумение, смех, одобрение... Вы просили совета, выслушивали новый нескончаемый поток, затыкали уши, не в силах уже ничего понять. Вы начинали рыться в тайных смыслах имен, но вскоре, все эти «воскресающие», «горячие», «царственные», «великие», «победители», «мудрые», «славные», «богоданные», «кроткие» так же надоеда-

ли, сбивали с толку, скручивали в бараний рог мозги; и отчаявшись придумать нечто путное, вы нарекали того, безмянного, глупо-красивым заморским именем, обрекая его на муки липких прозвищ в школе и последующей жизни, или обряжали его в имя святого, который почил в день, когда появилось на свет чадо (разумения не хватало воспользоваться хотя бы мирским его именем), язычески уповая, будто бы это имя способно творить чудеса. Вот и выходит: почти все имена фальшивы, за исключением редкой случайности, да ещё монахи не особо грешат против правды, выбирая себе имя почившего святого и стараясь делами подобными, когда-то совершённым этим святым, походить на своего незримого вожатого и покровителя. Но вот всем ли удастся?

Не стану начинать историю с неправды. Начав со лжи, в ней и погрязнешь! Итак, назову его N. Тьфу ты, гадость какая-то! Так и повеяло чем-то старым полузабытым, наивным, похожим на названия старинных стихов из альбомов. Нет, стихов тут точно не требуется, с ними пока повременим. Слышу ещё что-то, не такое манерное, куда более скромное, куда более незамысловатое. Негромко звучит внутри головы простым мотивчиком: Ни-мант, Ни-мант, Ни-мант... А что? Без выпендрежа, да и вообще – мило, скромно, и, кажется, присутствует определенный вкус. Почему бы не Нимант? Не знаю, правда не знаю, зачем, для кого делаю это? Очень похоже на то, как назойливый ребенок, не прерываясь, дергает вас за рукав, и настырно требует исполнить свою волю. Не

вижу рядом никакого ребенка, но мотивчик: Ни-мант, Ни-мант... слышу отчетливо. Ну да ладно, Нимант так Нимант. Не называть же его дикими буквами. Это было бы ещё хуже, чем выдумывать притянутые за уши странноватые имена. Например: назвать его А. было бы подобно безрассудному выбору модных веяний; наречь вычурным Z., пускай и отстоящим псевдоскромно в самом конце, всё равно, что выбрать редкое жеманное имечко. Впрочем, сама по себе буква не имеет никакого значения. Тут хоть М., хоть Т., хоть Х. назовись – разницы никакой. Поэтому пусть будет Нимант.

Чую, вот каким-то почти звериным чутьем (только зверем никогда не довелось побывать хотя если верить индусам... ничего нельзя исключать!), что-то не то происходит; как будто пытается мной управлять что-то (или быть может кто-то?). Вот уж хрен этому неизвестному или этой неизвестности... Или наоборот? Да, без разницы! Не на того нарвались. Сколько помню себя, не по душе мне были всякие манипуляции мной, и я сопротивлялся таким попыткам, как только мог. О, я всегда был отнюдь не приятный подарок, тщательно упакованный в красивую обложку. Недурно сказано, не правда ли? Да уж, красивой обложкой облик мой никогда нельзя было назвать. Что можно сообщить об этом подробнее? Да, в общем-то, не так уж и много, не так уж и много. Вообще-то, толком ничего не могу сообщить, кроме того, что тщательно было продумано мной и вот именно это

теперь я принимаю за чистую монету:

Лицо – да и форма головы – были округлы в детстве (ведь должно было быть у меня детство), даже можно сказать: эллипсоподобно вытянуты к востоку и западу. С годами это должно было перемениться, и вытянутость эта постепенно переместилась к северу-югу. Волосы кудрявились (мне всегда казалось что кудрявые волосы должны придавать лицу утонченный оттенок), и если бы их не подрезали, спирали волос множились бы, и множились, и множились... Однако, в силу неизвестных, и можно даже сказать загадочных причин, невероятная кудрявость волос вдруг, в какой-то (теперь уже позабытый) день, перестала развиваться, а затем (сразу после того самого дня) волосы стали выпрямляться, а затем ещё и начали укорачиваться. Разгадать причины этого укорачивания мне не удалось. Прошло время. Вместе с переходом горизонтальной вытянутости головы в вертикальную, в некоторых местах на ней волосы укоротились настолько, что начали обнажаться участки гладкой кожи головы. Это напоминало таяние весной плотного снежного покрова. Конечно, о полном облысении речи пока не шло, но и полностью исключить его в далекой, или же, относительно близкой перспективе, не взялся бы ни один мало-мальски опытный трихолог. Впрочем, положение мог бы спасти какой-нибудь трихологический консилиум... Допускаю, что обсуждали бы там не катастрофическое состояние убывающих волос, а, скорее, прощупывали все возможные способы по сохране-

нию достойного лица упомянутой области медицины. Как? Да очень просто! Одна сторона консилиума стала бы утверждать: о-о-о, разве можно было так варварски относиться к своим волосам? Увы, время упущено и, кажется, сделать уже ничего невозможно! Другая, напротив, будет совершенно не согласна с предыдущей, пессимистичной точкой зрения: нет-нет, непременно все будет хорошо, нужно только запастись терпением! Третья сторона (и весьма вероятно наиболее многочисленная) не стала бы принимать ни первую, ни вторую точку зрения, но, скорее всего, выставила бы перед собой крепкий щит осторожных суждений и слов:

– Ну, конечно, нет ничего невозможного... Однако, всякое, всякое может случиться. Да-да, может произойти любая неожиданность. Не исключено, что эта неожиданность совершится совершенно неожиданно. Возможны ли чудеса? Разумеется, конечно, очень даже возможны... Возможны ли ухудшения? Хмм, ммдаа, нууу, это зависит от множества, множества мельчайших причин и обстоятельств, не зависящих, собственно говоря, от медицины. Это и внезапная перемена внешнего атмосферного давления; и возможное ухудшение (равно как и улучшение) внутреннего самочувствия больного; это и сквозняки, жара или холод, чрезмерная сухость или высокая влажность; это и отсутствие благоприятных или же присутствие нежелательных микроорганизмов, впрочем, бывает достаточно и незначительного недостатка,

как и едва заметного избытка вышеупомянутых *bacillum*³. Ничего! ровным счетом ничего нельзя исключать...

Похоже на треп искушенных финансистов, обращенный к некоему олуху, который совершенно ничего не смыслит в финансовой области: крайне важно указать на все варианты – что-то обязательно произойдет. Ладно, ладно, продолжим отсюда, где остановились: голова в некоторых – пока ещё немногих – местах начала лишаться волос и приобрела относительную гладкость... А ещё был мясистый нос, губы под ним, над ним – глаза; по бокам головы, слева и справа, выпячивались округлые уши. Да! на носу были очки, которые, крепко ухватившись дужками за уши, прикрывали упомянутые уже глаза. Правильнее было бы сказать: помогали глазам, ибо прикрывают глаза скорее очки, оберегающие их от солнечного света, а эти, вероятно, были обретены в результате рано развившейся тяги к чтению, и предназначены были выполнять совершенно иную работу: возмещать зрению утраченную зоркость, ибо вернуть ее в первозданном виде таким ветхим способом невозможно. Почему очки? Зачем они? О, это совершенно необходимый атрибут для лица, которое хочет казаться исполненным знаний, образованности и, разумеется, ума. Без них не могу себя представить... О них, об этих столь близких мне (во всех отношениях) стеклышках, хочу сказать чуть подробнее:

Будем считать, что с очками пришлось породниться ещё в

---

³ – (лат.) микроорганизмы;

то далекое время, когда горизонтальная эллипсоподобность головы уже миновала несколько фаз, и голова, более чем когда-либо до или после, напоминала шар (чтобы немедленно перейти к фазам удлинения). Тогда очки и водрузились на носу, закрепившись, для равновесия, за ушами, и это было началом крепкой, настоящей, мужской дружбы! Очки, вслед за изменениями в форме головы-эллипса, разумеется, так же меняли свою форму, но не столь округло. Правда, иногда изменения эти происходили весьма радикально. Посудите сами: из круглых они перешли в квадратные; затем – в восьмигранные; затем, в две приземистые призмы, зеркально размещившиеся по обе стороны носа; затем – в узкие прямоугольники; затем прямоугольники расширились... Думаете, следующим этапом снова был квадрат? Не угадали! Ну, не то, чтобы не угадали совсем... Это был квадрат, стремящийся к кругу: углы довольно сильно скруглены; стороны, особенно боковые, обладали весьма заметной выгнутостью. Очень удобная, замечу, форма. А вот следующей фазой – очень даже вероятно – станет настоящий квадрат, у которого будут лишь немного округлые края, потому что, как мне кажется, именно внушительный квадрат роговых или пластиковых очков, очень подходит к преклонному возрасту лица. Впрочем, это должно случиться ещё не скоро.

Итак, вроде бы, ничего не упустил. Правда, слегка отодвинувшись (нет-нет не в физическом плане), и внимательно рассматривая этот странный портрет, нахожу: скорее по-

хож он на клоунскую маску. Но разве, на самом деле, люди не таковы? Ладно, ничего изменять у меня нет желания, да и фантазия, признаюсь, у меня скудновата, так что пусть остаётся всё так, как я выдумал. Ведь это ещё не конец.

Описание остального, смею уверить, не займет много времени: рук, ног – две пары, пальцев на них по пять, туловище одно. Есть ещё пара сосков, глубоко упрятанный в разрез зада анал, и, конечно, пиписька. В данном случае – представляющий индивид мужского пола плотный огурчик, свешивающийся прямо на две помидоринки, упрятанные в мешочек слоновоподобной кожи, утыканный вьющимися (как когда-то в былые времена на голове) волосками. Розовый, озорной птенчик, выглядывающий из кудрявокоричневого, мягкого гнездышка. О, его милый, спокойный и, на первый взгляд, неказистый внешний вид пусть не вводит в заблуждение... Прочих анатомических подробностей описывать не стану. Кажется, обещание сдержал: времени немного отнял. Вышло компактно, ничего лишнего. Сомнение в одном: уж если довелось запечатлеть (пускай на скорую руку пускай бегло) в некотором смысле личность, пожалуй, следует и назвать её каким-нибудь образом. А иначе нехорошо, даже скандально определенным образом получается: видимость вроде присутствует, а наименование у видимости этой не то, что задевалось куда-то, а и вовсе отсутствует... Одним словом, необходимо теперь и представиться.

Какое имя подойдет? Может, загадочное, краткое N.? Что

ещё за глупости – N. похоже на собачью кличку. Нет, хуже! У клички есть, по крайней мере, некоторые *alludere*⁴, а это N. можно сравнить разве что с превращением человека в мерзкое насекомое. По сути, это N. должно коробить всякого живого, мыслящего, чувствующего... Обычное имя тоже не подходит: вдруг перепутают с каким-либо новоиспеченным тезкой, который совершил по своему скудоумию глупость или гнусность, или еще хуже: какое-то ужасное деяние. Пойди тогда, доказывай, что на тебе нет малейших подозрений, и тебе вдруг не начнут лет через 20-30 предъявлять вздорные обвинения всякие нимфоманки-истерички или хитрые пассивные педерасты, и что тебе, вообще, можно доверять! О, нет, такая перспектива совершенно не подходит (потому как стать тезкой достойного человека вероятность крайне мала). Нужно придумать и выбрать необычное имя, чтобы никто, повторю: никто! не смог запомнить его обладателя. Тогда, вот оно: Нован. Почему Нован? Действительно, почему? Может потому, что звучит неплохо: кратко, звучно и, к тому же, необычно. Много знаете вы Нованов? Что значит оно – мне не известно. Анаграммно будет звучать: Навон. Напоминает о навозе и вони – многовато дерьмезина! То, прежде, лучше: Нован напоминает «новый», а не «навоз» или «вонь». Хорошо, если то и обозначает, или несет в себе таковое значение. Впрочем, и то уже, что наводит на подобные мысли – неплохо. Уж куда лучше, чем Навон! Решено: отныне буду

---

⁴ – (фр.) намек, аллюзия;

Нованом.

Он ощущал всё больше и больше, и больше, и больше потребность писать (не сочинять, нет-нет, не сочинять) всевозможные истории. Разумеется, он помнил о том, что ожидает эти записи потом, в одном из ящиков стола, но не мог ничего поделаться с собой. Как можно что-то поделаться с внутренними потребностями, желаниями, стремлениями? Попробуй попротивься внутреннему миру! Захотелось кушать, не стоит обращать на это внимание; захотелось поспать, а ты не думай об этом; захотелось пописать, но ты сопротивляйся, противься... Ну и так далее! можно составить достаточно длинный список... Но он не сопротивлялся, он писал, оставляя немного времени на завтрак, немного времени на ужин, и 22 минуты на обед.

С утра до ночи – труд, с ночи до утра – отдых, с утра до ночи – труд, с ночи до утра – отдых, с утра до ночи – труд, с ночи до утра... и опять... Ненавижу унижительные перечисления! Он в своей квартире, в своей двухкомнатной квартире, в своем коридоре, в своей спальне, в своей ванной, в своем туалете, в своей кухне, в своей запертой комнате, в своей сумрачной комнате, в своей тихой комнате, находясь в своей комнате (вот опять!). Как будто собираешь необходимую сумму из горсти мельчайших монеток... Там, в своей комнате, за столом в своей комнате, на стуле в своей комнате, у окна в своей

комнате, писал в своей комнате, перечитывал в своей комнате, переписывал в своей комнате, рвал листки в своей комнате, доставал чистые листки в своей комнате, писалписалписалписал в своей комнате, обедал на кухне, дальшеписал в своей комнате, когдасмеркалосьзажигалсвет в своей комнате, когдаустанавливалпрекращалписать в своей комнате, шел в туалет, затем отправлялся спать.

– Хватит, хватит, хватит! Довольно, довольно, довольно...

– Утром всё повторялось вновь и вновь, вновь и вновь, вновь и вновь, вновь и вновь...

– Да останови свой понос, свой гнусный, свой мерзкий, свой никогда не прекращающийся, смердящий, отвратительный словесный понос!

– Какоевитогесформировалосьмнение?

– Несомненные признаки развивающейся болезни.

– А ежедневно ходить на работу – не болезнь? Вновь и вновь, вновь и вновь? Дом-работа, работа-дом, дом-работаработа-дом, дом-работаработа-дом, домработаработа...

– Хватит, прошу, хватит! Ведь есть и свободное время, есть выходные, не хочу думать о работе постоянно.

– Ага, значит, работа не нужна? Ты с удовольствием отдыхал бы, ты мечтаешь освободиться от работы, ты притворяешься, ты лжешь?..

– Я не ленив, не ленив. Я не болен!

– Не притворяйся! Ни к чему притворяться.

– Не болен, не болен, не болен...

– Не болен? не болен? не болен?

Да кто ты есть? Ты голос в моей голове! Ты отзвук, эхо речей тех двух, кто были когда-то рядом, когда-то близко, когда-то вместе. Тесно-тесно, одним-одной целым... Почти близнецами, почти отражением друг друга. Вздор, вздор, всё вздор! Они не были рядом, они не были близко, они не были вместе. Они даже знакомы никогда не были. Зачем весь этот маскарад? Кто позволил им приходить сюда? Разве они приходят. Да – приходят! Пускай приходят... Теперь они не отнимают время, не заводят разговоры на прежние темы, никаких разговоров совсем. Они теперь не докучают, не жалят. Все эти разговоры, вся эта речь, эти ежедневные двадцать тысяч словоизвержений, лавословий, потокаслов... Запрещено, строго запрещено. Никаких разговоров! У них есть ключ. Зачем им ключ? Отмыкать ими двери? Ну что ж, пускай будет так, если кто-то этого хочет, если кому-то это необходимо. Только не мне, только не мне... Разумеется, мне известно, что это всего лишь игра, всего лишь иллюзия. Прихоть желания, и — вот: они беззвучно шевелят губами (я отнял у них речь но желания выговориться отнять не в моих силах), они неслышно там переговариваются. Не запрещено, ведь они – подобие облаков, отражения теней. Я не слышу их шепота, он не может пробраться сквозь вакуум, в котором они обитают, ко мне сюда, но нельзя исключить и того, что они молчат, молчат, будто рыбы, плавающие в толще воды; будто рыбы они двигают губами в своем бесплотном мире

(этого не в моих силах у них отнять). А рыбы разве молчат? Рыбы — не знаю, а они молчат, я лишил их голоса. Запретил им, не дал им речи, не дал слов, не дал песен, ибо я так желал. Никакого воска в ушах — воском залеплены рты. Милосердно дозволил звать себя к обеду. Это было моё желание, моя прихоть. Чужое наречие. Три раза. Как же сквозь воск пробивается их зов? Почему мне знать? Возможно, вновь спустились огненные языки, как тогда, в горнице. Только дозволения многоглаголать не было. Три раза. Только три. Такова моя воля. Я в этом мире всемогущ, он создан был мной. Вот и они — два отпечатка, которые никогда не были вместе. Теперь вместе, теперь неразрывно связаны друг с другом, потому что я так захотел. И они, два отражения тел, которые никогда, нигде там не соприкасались, здесь послушны моей воле: приготовив пищу, они идут близко, рядом, как сиамские близнецы, взяв друг друга за руки. Эта, своей левой рукой — правую руку той, другой, а та, другая, своей правой рукой — левую руку этой. Они выходят из кухни, эта пропускает ту, другую, вперед, или та, другая, пропускает эту вперед. В просторном коридоре они вновь принимают облик сиамских сестер (только никакие они не сестры), подходят к двери в мою комнату, и там, перед дверью, делают вместе, чтобы сохранить свою сиамистость, поворот на 90°, разворачиваясь лицом к двери. Одна из них, скорее всего эта, делает поворот по более короткой дуге, имея ось вращения свою правую руку, правую ногу и всю правую часть своего тела, включая

правое ухо. В это время та, другая, совершает свою часть поворота по дуге более длинной, продолжая держать эту за руку у своего правого бедра, и осью её вращения остается правая рука и правая нога, и вся крайняя правая часть тела, включая правое ухо, её сиамистой сестрицы (только никакие они не сестры!). Стоят вдвоем, устремив светлый свой взор на дверь в мою комнату, в мой таинственный кабинет. Обе желают стучать в эту дверь, и стучат по очереди: то одна, то другая. Та, другая – левой рукой, эта – правой. Обе – не размыкая другие свои левую и правую руки, которые крепко прижались ладонями, и переплелись пальцами, и для верности зажаты с обеих сторон мясистыми бедрами. Нет, бедра у них вовсе не мясисты, но вид у них, несомненно, какой-то мясистый.

Дверь в мою комнату, мою запретную *ultima thule*⁵, мою *merra incognita*⁶ не отверзается им немедля, и они продолжают стучать, выпевая по слогам то, что им дозволено, то, что им разрешено. Вначале было имя. Имя, которого не было. Имя, которое сотворено было мной. Я дал его: берите, молвите... И вот они приняли, и уста их отверзлись. Первый слог достался этой, а второй – той, другой, или второй достался этой, а первый – той, другой, или сначала имя говорит эта, а потом повторяет его та, другая. Только подобное маловероятно, ведь я отчетливо слышу, как один слог

---

⁵ – (лат.) дальний предел;

⁶ – (лат.) загадочная земля;

сливается со вторым, пускай даже первым, вопреки всякой очередности, произносится второй слог, а уже за ним следует первый, внося короткую сумятицу. Затем, выправляя образовавшееся неуклюжее нагромождение, вновь появляется второй слог, и тогда, исковерканное до неузнаваемости – на краткий миг – имя, вновь обретает стройность и последовательность. Надеюсь, очень надеюсь: мне это не чудится.

Но, возможно, нет никакого шествия сиамских близнецов. Выходят из кухни вдвоем; идут, как им вздумается, по коридору; подходят к двери в мою комнату; поворачиваются, как заблагорассудится, лицом к запертой двери; светлым своим взором обратясь к глухой, безответной двери, как взбрeдeт им на ум, стучат и поют песнь, в которой зовут меня напитать изголодавшуюся плоть.

А, быть может, только одна из этих не-сестер выплывает и стучит, и настойчиво зовет меня, поет для меня лукавую песнь, заманивает меня, словно сирена проплывающих мимо моряков? Одна подплывает, сладко поет, заманивает (то и дело меняя голос), другая притаилась, ждет, едва сдерживая искушение принять участие в этом обмане... Нет-нет, исключено! Та, другая, вряд ли откажет себе в удовольствии тоже участвовать в подобной мистификации – и она желает подманить меня, проплывающего мимо. Но я никуда не плыву, напротив, скорее стою на якоре... Что мешает им самим подплыть и манить, манить, манить меня? Ветер внезапно утих. Какой ещё ветер? Откуда здесь ветер? Не важно, не

важно, ветер утих. Они зовут меня. Поют, поют свою обманную песнь, выдувая пухлыми, розовыми, зовущими, сладко-голосыми губами имя, которое вложено мной в их выдуманный, сотворенный мной разум:

К нам поспеши, Нимант, к нам поспеши утомленный,

Остановись и услышишь, что мы скажем тебе, скиталец:

Ни-мант, яства готовы, плыви к нам, Ни-мант;

Ни-мант, всё на столе, все ждет тебя, Ни-мат;

Ни-мат, насыть уставшее тело, Ни-мант...

Замок на двери – мои путы; комната – мачта; слух мой свободен, но я сопротивляюсь, сопротивляюсь... У тех, других, уши залеплены; да и нет здесь никого. Я один, я сопротивляюсь, голоса так сладки... запахи так влекут... руки мои свободны, желудок мой пуст, ключ в руке моей... Я сопротивляюсь изо всех сил, но я так слаб, так слаб. Внутренности мои изнывают. Там, за дверью, знают: он так слаб, так слаб.

Ни-мант, Ни-мант, ступай к нам, ступай к нам, ступай к нам...

Я не могу сопротивляться. Я встал. Я слышу легкий шум, как будто хвостом плеснули по поверхности воды. Я подошел к двери. Я слушаю. Я слышу их легкие, их тихие голоса, переместившиеся дальше, дальше – в кухню. Я открываю дверь. Я выхожу. Я сбрасываю путы. Я один. Я плыву, плыву, плыву...

Только не смотреть им в лицо, только не смотреть им в глаза, чтобы не смогли околдовать меня. Слух мой свободен, сердце моё смирно бьется. На вопросы их отвечать не стоит. Вопросов никаких нет. Им не позволено задавать вопросов! Но они хитры, хитры, они изворотливы... В глаза не смотреть, не смотреть, не смотреть! Пускай себе ворожат, пускай сплетают сладкую паутину из приятных слов:

Ни-мант, Ни-мант, тебе нравятся наши яства, тебе вкусно, Ни-мант, Ни-мант...

Для них я – Нимант. Пускай, от меня не убудет. То, что я Нован им не известно. Оставаясь Нованом, для этих сладкоголосых я навсегда буду Нимантом. В этом моё преимущество, в этом моё спасение. На самом деле, я ни тот, ни этот...

– Нимант, Нимант!

Я молчу.

– Нован, Нован!

Я усмехаюсь. Попробуй меня поймать! Миновало двадцать две минуты. Я ускользаю. Встаю со стула, кладу лож-

ку или вилку, или чашку, или чайную ложку, или десертную вилку, или стакан (хватит хватит!). Утираю рот. Молча, не проронив ни слова, уставившись в пол, выхожу прочь. Иду к двери (за спиной тишина) редко, очень редко доносится шипящий шепот: Что?.. Опять упустили... ладно, ладно... потом, потом... Слышаться всплески хвостов о воду. Быстро оглядываюсь. В коридоре – никого. За спиной едва слышится шелестящий звук водной струи. Волшебный кастальский источник, ключ Иппокрены, давно мечтал окунуться в твои кристальные воды... Призраки... Повсюду видения и обман! Медлить нельзя. Быстро достаю ключ, открываю дверь, проникаю в мою комнату, мой таинственный кабинет. Уффф, спасен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.